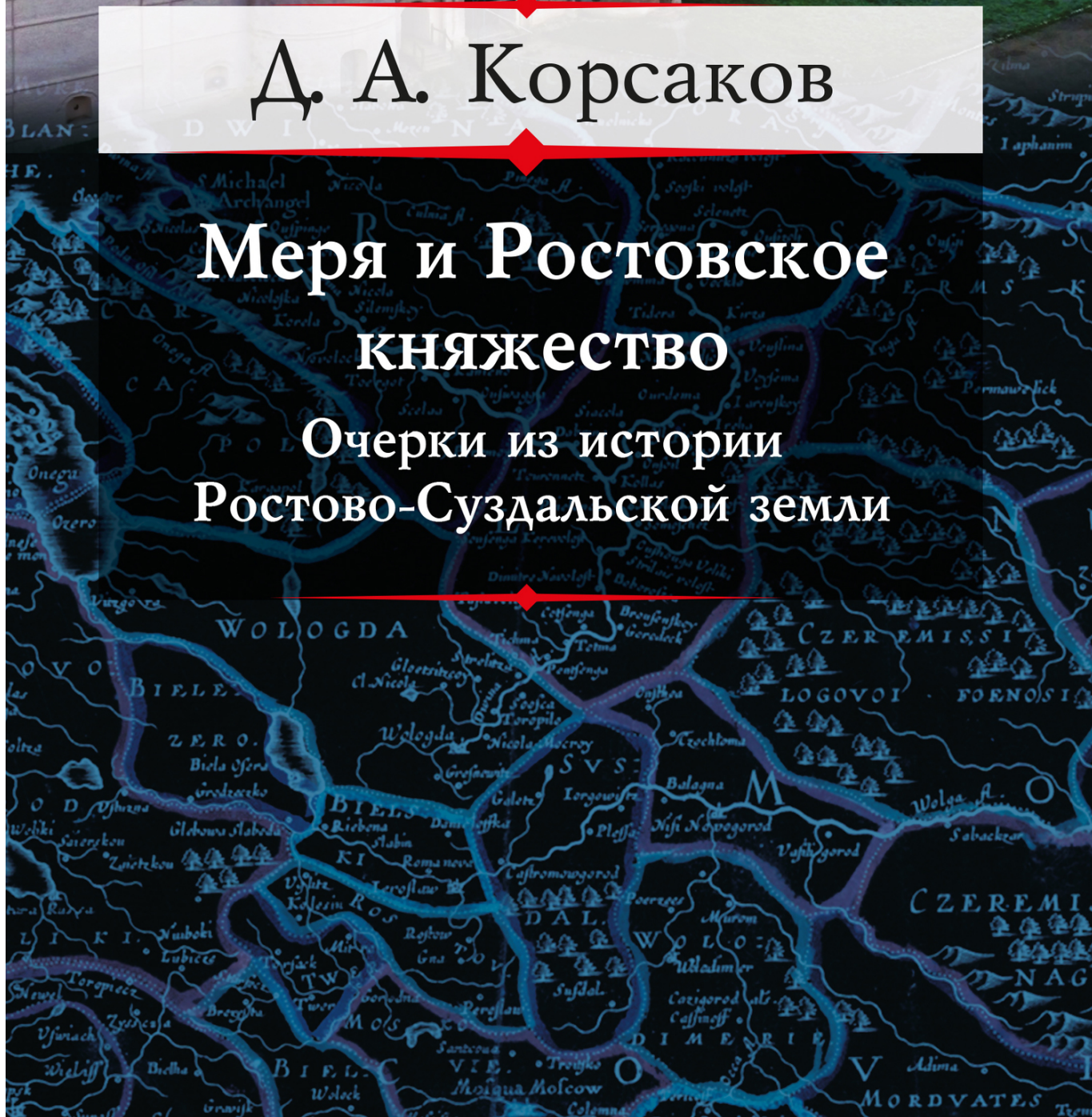

Д. А. Корсаков

Мера и Ростовское княжество

Очерки из истории
Ростово-Суздальской земли

Дмитрий Корсаков

**Меря и Ростовское княжество.
Очерки из истории Ростово-
Суздальской земли**

«Кучково поле»

1872

УДК 913.1/913.8
ББК 63.3(2)41-43

Корсаков Д. А.

Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростово-Суздальской земли / Д. А. Корсаков — «Кучково поле», 1872

ISBN 978-5-9950-0507-0

Русский историк Д. А. Корсаков в своей работе, опубликованной в 1872 г., исследует историю дославянских племен мери и чуди на территории Ростово-Суздальской земли, указывает на ее ключевую роль в истории России как места, где сложилось «великорусское племя», где получило развитие идея единовластия как основы государственного строя и где Московское княжество стало центром объединения русских земель. Уникальность его труда состоит в реконструкции по многочисленным источникам элементов языка, религиозных верований дославянских племен, утраченных к настоящему времени. Книга будет интересна любителям исторической географии, а также истории России в целом.

УДК 913.1/913.8

ББК 63.3(2)41-43

ISBN 978-5-9950-0507-0

© Корсаков Д. А., 1872

© Кучково поле, 1872

Содержание

Д. А. Корсаков: черты биографии	6
От автора	8
Глава I	10
Глава II	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Александрович Корсаков **Меря и Ростовское княжество. Очерки** **из истории Ростовско-Суздальской земли**

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

М Е Р Я

И

РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РОСТОВСКО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

Д. КОРСАКОВА.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1872.

Печатается по изданию:

Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество: Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли. Казань, 1879

Д. А. Корсаков: черты биографии

Автор книги – Дмитрий Александрович Корсаков (1843–1919), представитель старой дворянской фамилии, приходился племянником известному русскому историку, философу и публицисту К. Д. Кавелину¹, но, в отличие от дяди, не был столь разносторонен в своей деятельности и никогда не менял избранный род занятий.

Вся жизнь Д. А. Корсакова со времен студенчества была связана с Казанским университетом. Поступив в 1860 г. и окончив курс с золотой медалью спустя четыре года, он некоторое время служил на разных должностях в пореформенных учреждениях Казанской губернии, но затем вернулся в университет, где в 1872 г. защитил магистерскую диссертацию по отечественной истории. Далее началась долгая научная карьера. Вначале доцент, после защиты в 1880 г. докторской диссертации – профессор, с 1887 г. заслуженный профессор кафедры русской истории. С 1900 г. на протяжении пяти лет исполнял должность декана историко-филологического факультета. В 1905 г. Д. А. Корсаков был избран членом корреспондентом Петербургской академии наук. Учебные занятия он перестал вести только в 1914 г., однако оставил за собой определенные обязанности и до последних дней жизни оставался профессором своей кафедры. Деятельность Д. А. Корсакова не ограничивалась университетом. Он состоял членом известных российских научных обществ и публиковался в их изданиях, читал публичные лекции. Научное наследие Д. А. Корсакова включает 170 печатных работ, среди которых статьи и монографии по отечественной истории разных периодов, публикации исторических документов, обзоры и статьи по этнографии Поволжья, очерки.

Монография «Меря и Ростовское княжество» стала первым большим исследованием ученого, его магистерской диссертацией, опубликованной, как было принято, в год защиты. Свою задачу Д. А. Корсаков видел в написании «истории Ростово-Суздальской земли», а жанр своего труда определил, как «очерки из истории этой земли». Слово «земля», как более общее понятие в сравнении с напрашивающимся по контексту «княжеством», употреблено автором специально, поскольку хронология его изысканий начиналась с эпохи до появления славян и возникновения Ростова и Суздаля, а древнерусский период истории виделся как время, предшествующее образованию Московского государства, и как «эпоха окончательного формирования отличительных особенностей великорусского племени». Географически определенная территория Ростово-Суздальской земли охватывает Волго-Окское междуречье в пределах, ограниченных с юга бассейном р. Клязьмы, отчасти включает Костромское Поволжье и, в соответствии со сведениями летописи, к северу по Шексне достигает Белоозера. Для разных периодов истории границы земли уточняются, исходя из возможностей имевшихся источников.

История, а по сути, предыстория края, начинается с характеристики мери, упомянутой летописью как народ, живший у озер Ростовского (Неро) и Клещина (Плещеево), и как первых «населенников» Ростова. Ничего принципиально нового к известному в то время Д. А. Корсаков добавить не смог. В его интерпретации меря была «чудским народцем», родственным другим финноязычным народам Поволжья и Поочья: черемисам (мари), мордве, муроме. Меря жила в лесистой дикой местности, занималась охотой и звероловством «и, быть может, распалась на несколько родов, имевших своих князьков». Обращение к субстратной топонимии и поиск географических названий с основой «мер» позволило определить территорию расселения мери, которая оказалась значительно больше, нежели было указано в летописи. Однако подобную работу с похожим результатом в рамках общего исследования чуть ранее выполнил

¹ Д. А. Корсаков опубликовал воспоминания о К. Д. Кавелине («Вестник Европы», 1886–1888, отд. ном.) и был одним из редакторов его посмертного собрания сочинений (1900).

А. С. Уваров². Как настоящий ученый, учитывая ограниченность и качество источников, Д. А. Корсаков сам признавался, что «выводы относительно меры в настоящее время не могут восходить далее гипотез».

Гораздо обстоятельнее и подробнее описана последующая история Ростовского княжества, начиная от появления на мерянской территории славянского населения в IX–X вв. и кончая событиями XIV в. Уже ознакомление с пространными, раскрывающими содержание отдельных частей заглавиями II–V глав книги показывает, что автор постарался охватить своим вниманием буквально все стороны средневековой жизни и происходившие исторические процессы. С той или иной степенью подробности в хронологической последовательности рассмотрены пути и формы древнерусской колонизации, обстоятельства возникновения городов и распространения христианства, внутренняя и внешняя политика князей, этапы развития торговых и культурных связей, последствия монголо-татарского нашествия и многое другое. Без внимания не осталось, кажется, ни одно отмеченное в летописях событие или известное историческое лицо.

В своей работе автор использовал все возможные исторические источники, от античных до документов XVI–XVIII вв., а также данные этнографии, археологии, топонимики, географии, учел все известные научные публикации и достойные внимания краеведческие материалы, появившиеся на то время в периодической печати и местных изданиях. Работа стала первым в историографии обобщающим исследованием по истории Северо-Восточной Руси, охватившим период от незапамятных (для автора) времен появления меры до возникновения удельных княжеств в XIII–XIV вв. Пользуясь современной терминологией, научный труд Д. А. Корсакова в полной мере можно охарактеризовать как комплексное научное исследование, построенное на совокупности всех доступных автору источников, отразившее существовавшие методы и уровень их научного анализа и господствующие воззрения на отечественную историю.

Книга Д. А. Корсакова долгое время оставалась наиболее подробным исследованием по истории Северо-Восточной Руси³. Но с позиций современной науки, спустя 144 года после своего выхода в свет, она вызывает лишь историографический интерес: труды последующих поколений историков многое добавили к нашим знаниям о средневековой Руси. Вместе с тем, «Меря и Ростовское княжество» небезынтересна и сейчас, как произведение своего времени. Например, замечательным русским языком и авторской манерой изложения: обстоятельной, неторопливой, с вниманием к отдельным фактам, тщательными формулировками выводов, где необходимо, пояснениями своей позиции и обязательным заключением к каждому разделу. Но в первую очередь книга примечательна благодаря богатому фактическому материалу, собранным воедино сведениям разнообразных источников.

*доктор исторических наук
Андрей Евгеньевич Леонтьев*

² Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда в Москве, 1869. Т. II. М., 1871, с. 640–654.

³ Современную оценку работы Д. А. Корсакова см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984, с. 16–18.

От автора

Специальная история Ростовско-Суздальской земли занимает очень видное место во всеобщей истории России, имеет весьма важное значение для уяснения нашей исторической жизни.

В земле Ростовско-Суздальской образовалось и окрепло младшее из трех племен нашего народа, племя великорусское – племя, собравшее и сплотившее русскую землю и создавшее могущественное русское государство, единственную самобытную в настоящее время славянскую державу.

В земле Ростовско-Суздальской сложилось и развилось начало единовластия, послужившее основанием нашего государственного строя.

В земле Ростовско-Суздальской, наконец, явилось несколько самостоятельных, независимых друг от друга княжеств. Относительно этих княжеств, самое незначительное – княжество Московское становится этнографическим и политическим центром земли русской: вся Великие и Малые и Белые Руси. Москва является выразительницей стремлений племени великорусского. Посредством Москвы это племя получает первенство в русской земле, посредством Москвы начало единовластия укореняется на Руси и объединяет ее разрозненные области.

Таким образом, история Ростовско-Суздальской земли составляет пролог к истории Московского государства.

Изучение корней, зародышей всех исторических явлений сопряжено с большими затруднениями. Затруднения эти усложняются еще больше при анализе этнографических и политических элементов великорусского племени, историческая физиономия которого до сих пор еще не выработалась в определенный тип.

Вполне понимая эти затруднения и, вместе с тем, сознавая недостаточность наших собственных сил для всесторонней разработки истории Ростовско-Суздальской земли, – мы ограничиваемся на первый раз представлением вниманию читателей «очерков из истории этой земли».

Предлагаемая работа, согласно трем главнейшим явлениям исторической жизни Ростовско-Суздальской земли, выставленным выше, – распадается на три части:

В первой части, состоящей из первой главы, мы сгруппировываем материал, на основании которого, по нашему мнению, возможно, будет впоследствии восстановить исчезнувший народец мерю. Этот народец, который причисляется учеными к обширному чудскому, или финскому, племени, заселявшему с давних пор северо-восток Европы, – обитал в верховьях Волги. Путем колонизации славян среди мери мало-помалу стала образовываться та ячейка, которая с течением времени выросла в племя великорусское.

Вторая часть (главы II и III) рассматривает зарождение элементов гражданственности в Ростовско-Суздальской земле: *власти князя и христианства*, и дальнейшее колонизационное распространение великорусского племени на восток. Часть эта обнимает собою всю Ростовско-Суздальскую землю, с утверждения в ней «мужей» первого князя Рюрика до нашествия татар – эпохи, около которой обособился старейший город земли Ростов в отдельное княжество. В этой части мы старались обратить наше внимание преимущественно на условия, при которых зачалось и развилось начало единовластия.

В третьей части (главы IV и V) излагается внешняя и внутренняя история Ростовского княжества и его уделов. Мы старались изложить эту историю настолько подробно, насколько позволили нам источники, бывшие в нашем распоряжении.

Задача нашей работы, таким образом, может быть сформулирована в следующих положениях:

1. Дать группировку материала для восстановления мери.

2. Представить попытку на посильное уяснение элементов гражданственности Ростовско-Суздальской земли до обособления в этой земле отдельных княжеств.

3. Изложить, по возможности подробно, историю старейшего из этих княжеств, княжества Ростовского.

Как мы выполнили нашу задачу – судить не нам; но мы желаем надеяться, что ученые специалисты простят нам невольные промахи и что критика укажет на наши ошибки.

Д. К.

Казань, 10 января 1872

Глава I

Чудское, или финское, племя и его ветви

Чудское, или финское, племя и его ветви. – Его название, происхождение и историческое значение. – Известие о северо-востоке Европы у греков и римлян. – Сведения о финнах у римлян, немцев, скандинавов и арабов. – Свидетельства Нестора и других наших летописцев и былин. – Чудской народец меря и его распространение. – Данные для восстановления мери: а) из свидетельств позднейших письменных источников; – б) из рассмотрения особенностей теперешнего великорусского населения губерний Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской; – в) из аналогии с мордвой и черемисами; – г) из курганных раскопов и археологических находок. – Несколько предположений о языке, религии и быте мери. – Соседи ее чудского и славянского племени и литовский народец голядь. – Колонизация славян среди мери и главнейшие ее виды. – Древнейшие колонизации. – Возникновение Ростова

«Первые насельники в Ростове – мери, в Белоозере – весь», – говорит Нестор, определяя таким образом аборигенов Ростовско-Суздальской земли¹. Меря и весь, по исследованию ученых, принадлежали к значительному чудскому, или финскому, племени, с издавна населявшему северо-восток Европы. Оба эти народца, и меря, и весь, – не существуют теперь, и нам, для того, чтобы прийти относительно их к каким-нибудь результатам, необходимо прежде всего взглянуть вообще на племя чудское в его совокупности.

Чудское племя, бывшее некогда одним из элементов формации великорусской народности и сохранившееся в настоящее время в разбросанных и разобщенных друг с другом народцах – представляет еще почти непочатое поле для исследователя. Остается желать в будущем более и более точных изысканий, наблюдений и исследований для того, чтобы наука могла окончательно уяснить историческую судьбу чудского племени. До сих пор, несмотря на многое, что уже сделано учеными-финнологами, какой-то непроницаемый туман лежит на всем финском вопросе, густая мгла скрывает от пытливого взора исследователя истинное значение финнов в истории нашего народа, истинную роль чудского племени в развитии новейшей европейской культуры. За недостатком положительных данных, непреложных фактов мы поневоле должны довольствоваться гипотезами, предположениями; за отсутствием прямого ответа на вопросы весьма важного свойства, встающие пред нами, мы должны удовлетворяться гаданиями. Отчего же происходит этот туман, отчего является эта мгла? Ответы на эти вопросы следует искать в трудности историко-этнографических исследований вообще и в трудности таких исследований на русской почве в особенности.

Самая главная, непреодолимая трудность для историко-этнографического исследования России, для распознавания и анализа всех различных народностей, когда-то живших и теперь живущих на нашей территории, заключается в природных условиях русской земли: «На громадной равнине северо-восточной Европы, – говорит С. В. Ешевский, – сталкивались и перемешивались представители самых различных ветвей человеческого рода. Здесь не было физических преград к их смешению, не было условий для замкнутого, изолированного существования, тех условий, которыми, например, объясняется на Кавказе вековое сожительство на весьма тесном пространстве нескольких различных по происхождению племен в их первобытной чистоте со всеми особенностями языка и быта»². Толстым слоем легли на этой равнине племена друг на друга, сплелись, срослись одно с другим такими причудливыми путями, что определять строго и точно грань между ними, проследить сплетения этих путей нет никакой возможности. Эти этнографические формации не поддаются точному анализу и строгой науч-

ной систематизации так же, как не поддаются этому анализу и этой систематизации напластования и формации геологические.

Другое затруднение в этих исследованиях, являющееся, с одной стороны, неизбежным результатом первого затруднения, а с другой – объясняющееся многими иными причинами, заключается в недостаточности и неточности предварительных ученых работ, археологических и лингвистических наблюдений над современным нам бытом народа: над обычаями, праздниками, обрядами, поверьями. Наша археология ступает еще неверными шагами, как ребенок, только начинающий ходить; изучение племенных наречий и местных говоров едва только начинается; а давно ли обращено серьезное внимание на изучение народного быта, этого наилучшего комментария археологии, на собирание песен, сказок, поверий? Между тем, это изучение с каждым годом делается все труднее и труднее: обычаи вымирают, песни и сказки меняются, поверья забываются.

Чудское племя, представители которого в настоящее время разбросаны по широкому пространству от Балтийского моря до Енисея и от Северной Двины до Оки и Суры, распадается на две главные ветви: западную и восточную, различные по внешнему виду, нравам и обычаям, но сходные по языку. Трудно уловить общие черты у теперешнего жителя Финляндии и Эстонии с полудиким черемисом и совершенно диким вогулом, но эти общие черты, доказывающие общее происхождение чудских народцев, определены учеными финнологами из анализа языка, древнейшего и надежнейшего показателя народности. К западной ветви причисляют обыкновенно финнов в собственном смысле, т. е. финляндцев и финские племена теперешних губерний: Эстляндской, Петербургской и частей Олонецкой и Тверской. Восточная ветвь заключает в себе народцы, живущие по Волге и Каме и за Уралом, по притокам Оби. Кастрен, один из ревностнейших и точнейших финнологов, подразделяет восточных финнов на группы: *волжскую, камскую и уральскую*. К первой он относит обширное, почти уже совсем обрусевшее племя мордвы и черемис; ко второй – зырян, пермяков и вотяков, к третьей – вогулов и так называемых уральских остяков³, С. В. Ешевский в статье своей «Русская колонизация Северо-Восточного края» считает это подразделение далеко не точным. Он видит в нем только попытку «систематизировать, наметить, хотя внешним, поверхностным образом, отдельные линии между племенами, родственными по языку и происхождению, как-нибудь сгруппировать многочисленные ветви, идущие, очевидно, от одного корня, но разошедшиеся уже весьма далеко друг от друга, принадлежащие к одной семье, но во многом уже различные»⁴. Сами финны не называют себя этим именем. Они зовут себя *суомалайнен*, т. е. житель болотной, низменной местности. «*Финн*» есть перевод этого названия и объясняется из старонемецкого слова: *Fonn* – «болото»; под этим именем знали финнов их германские соседи. Славяне называют финнов чудью, т. е. народом чужим, не своим. В самоназвании отдельных финских, или чудских, народцев ученые также видят везде присутствие корня, означающего болото, воду, влажное место (*суо, ва, вад, вена* на западных финских наречиях, и *нер, нюр* – на наречиях восточных). В звуках *мор, мар, мер, мур*, слышных во многих самоназваниях восточных чудских народцев, ученые желают видеть значение человека, выводя это значение из черемисского *мара* – человек. Так объясняют они происхождение названий: *мордвы, муromы, мари* (так зовут себя черемисы), *морт-ками* (самоназвание зырян), *удморт* (самоназвание вотяков)⁵.

Долго пытались ученые антропологи уяснить происхождение финнов, на основании строя их черепа, долго не соглашались они между собой, к которой расе отнести финнов, к кавказской или монгольской, – пока на помощь к естествознанию не пришла сравнительная филология. На основании этой науки Кастрен признает особую группу племен, называемую им *алтайской*, к которой относит: тунгузов, монголов, турок, самоедов, енисейских остяков и финнов. Финны, живя с этими соплеменными им народами на горах Алтайских, двинулись в Европу, по предположению многих ученых, через Уральские горы, почему их долгое время называли

уральским племенем. О распространении чудского, финского племени тоже не согласны между собою ученые. Иные распространяют его по всей Европе, видя следы его и в Британии, и в Испании; другие же ограничивают его пределами северо-востока Европы⁶.

Историческая роль финнов понимается учеными также весьма различно. Иные считают эту роль очень ничтожной, другие, напротив, приписывают финнам слишком большое участие в исторической судьбе новейших европейских народностей. А. Л. Шлецер, в своей «Allgemeine Nordische Geschichte», первый высказал мысль о ничтожности исторической роли финнов. «Ни один из народов этого обширного племени, – говорит он, – кроме мадяров, не играл видной роли в истории, ни один из них не достиг продолжительного самостоятельного существования, ни один не заявил себя завоевателем соседних народов, но, совершенно напротив, все они стали добычей своих сильных соседей. Поэтому, – заключает Шлецер, – история финнов читается в летописях их победителей»⁷. Но если история финнов и читается в летописях их победителей, то историческая роль их далеко не ничтожна и не бесследно прошли они по исторической арене. На северо-востоке Европы существовала когда-то теперь забытая цивилизация, следы которой доходят до нас через неясные сказания скандинавских саг о богатом и цветущем государстве Биармии. Мюллер, известный историк и этнограф финского племени, считает финнов за пробудителей того движения, изменившего все условия европейской цивилизации, которое известно в истории под именем великого переселения народов⁸. Кастрен полагает, что финны появились в Европе до эпохи великого переселения народов, хотя и говорит, что точное определение времени, когда финны, отделившись от родственных им племен в Нагорной Азии, утвердились в Европе – очень трудно⁹.

Все первоначальные сведения о финнах, о северо-востоке Европы, где застает их история – покрыты непроницаемым мраком.

Для представителей древнего мира, греков и римлян, северо-восток Европы был «украиной мира, страной, которую покинули люди и боги». Эта «украина» являлась в их сказаниях сказочной, баснословной страной, обширным полем для разных вымыслов и фантастических рассказов. За Понтом Эвксинским с колониями по его северному берегу, за землей скифов обитали какие-то неведомые народы: исседоны, одноглазые аримаспы, грифы, стерегущие золото и блаженные гипербореи, жившие у хребта Рифейского (Уральских гор). Такова первоначальная этнография полуночных стран у Аристия. Не больше света находим мы и в свидетельстве Геродота о народах, живших на севере от скифов. Его невры, обращавшиеся в волков, андрофаги, меланхлены, фиссагеты – все это какие-то мифические расы, лишенные естественных этнографических признаков.

В таком же неясном, неопределенном виде перешли сведения о северо-востоке Европы от греков к римлянам. Страбон прямо отказывается передавать точные сведения об этих странах, потому что «по Танаису», говорит он, «мало что можно узнать по причине холода и бедности страны. Туземцы, народы кочевые, питающиеся молоком и мясом, могут сносить неприязненный климат, но иностранцы не в состоянии. Притом туземцы, – прибавляет Страбон, – не общительны, свирепы и дики и не пускают в себе иностранцев». Каталог народов, живущих между Доном и Волгой, представленный Плинием, до такой степени неясен, что Шафарик, приводя его, не решается сделать из него никаких выводов¹⁰. У Тацита впервые несколько проясняется этот мрак. Он первый приводит германское название чуди – *финнов* (Fenni) и сообщает некоторые сведения о наружности и быте этого племени. По его словам, финны – народ чрезвычайно дикий и очень бедный; степень его культуры весьма низка: это примитивный быт номадо-звероловный¹¹. Птолемей упоминает весьма смутно о финнах, и из его свидетельства нельзя прийти ни к каким положительным выводам¹².

Затем, до VI в. по Р. Х. в письменных источниках нет сведений о финнах. Готский писатель VI в. Иорнанд, оставивший нам в своем сочинении «De Getarum sive Gothorum origine»

хронику событий Остготского государства, одного из самых могущественнейших государств, основанных «новыми народами», первый из средневековых историков упоминает о финнах. Остготское государство Германриха в IV в. по Р. Х. занимало обширное пространство древних Скифии и Сарматии, теперешней России. В числе народов, обитавших на этом пространстве в IV в. и подвластных Германриху, Иорнанд называет: весь, мерю, мордву, черемису и пермяков¹³. Таким образом, выступают перед вами впервые специальные названия народцев чудского, или финнского племени. Из западных летописцев, кроме Иорнанда, упоминает о мере Адам Бременский; о мордве говорит византийский император Константин Багрянородный¹⁴.

Скандинавы знают также финнов. В их сагах, с исхода IX до начала XII в., идут положительные сведения о торговой и богатой стране *Биармии*, занимавшей, по исследованию ученых, пространство от Северной Двины до верховьев Камы и Уральских гор. Вся северо-восточная сторона России носит в этих сагах имя *Гардарикии*, т. е. страны городов. Если верить этим сагам, то у финнов существовала какая-то довольно сильная, в настоящее время погибшая цивилизация. Западные финны, ближе знакомые скандинавам, являются в их сагах искусными кузнецами и мечи их славятся в целом свете. Западная ветвь финнов говорит сама о характере своей народности в своих заунывных, тихо-грустных песнях, в своем богатом религиозно-героическом эпосе «Калевала»¹⁵.

Арабы, бывшие в торговых сношениях с Болгарией, оставили нам также несколько свидетельств о чудском племени. Они знают *Артанию*, в которой некоторые ученые желают видеть мордву-эрву, *виссу* (весь) и *югру*¹⁶.

Наш первоначальный славянский летописец Нестор помещает чудские народцы, «свой язык имуще», в «странах полуночных», в «Афетовой части». Он перечисляет их в таком порядке: меря, мурома, весь, мордва заволочская, чудь, пермь, печора, ямь, угра. Далее он говорит о них определеннее, показывая местности, занятые некоторыми из них: «...на Беле озере селят весь, а на Ростовском озере меря, на Клещине озере – меря же: по Оце-реце, где потече в Волгу, мурома язык свой и черемиси язык свой, мордва свой язык»¹⁷. Этнографические данные о чудском племени у Нестора самые определенные из всех приведенных нами выше. Очевидно, что в эпоху Нестора чудское племя обособилось уже в несколько видовых типов, достаточно различавшихся друг от друга по языку и живших на известных местностях, хорошо знакомых Нестору.

Новгородцы находились в давнейших сношениях и с западными, и с северо-восточными народцами чудского племени. Начиная с XI в., мы имеем несомненные свидетельства летописей и актов, доказывающие знакомство новгородцев с водью, ижорой, чудью (под которой г-н Костомаров понимает ливов и эстов), емью, корелюю, чудью заволочскою и крайними чудскими северо-восточными народцами: пермью, печорой и югрой¹⁸. В летописях земля «чудии» является страной волшебства, волхвов и кудесников. Наши былины также знают «чудь белоолазую», а северо-восток России, издавна заселенной этой чудью, представляется и в былинах той же мифической страной чудес.

Меря помещается Нестором при двух озерах: Ростовском и Клещине, а весь – на Белоозере. Из последующего нашего изложения будет видно, что население у озер Ростовского и Переяславского (Клещина) стало центром заселения земли Ростовской, стало основным ядром образования этой земли, и что Белоозеро было сперва только одним из главнейших водных путей для проникновения в землю Ростовскую славянской колонизации и уже поздно вошло в состав Ростовской земли. Поэтому мы считаем необходимым остановиться теперь подробнее на рассмотрении мери.

Распространение народца мери, границы его поселений с точностью определить невозможно. Но многие ученые и исследователи местной старины пытаются провести эти границы, основываясь на археологических раскопках и на местных названиях урочищ и поселений, из

которых многие до сих пор звучат не по-русски, а иные сохраняют в своем названии имя мери¹⁹ – Так, граф А. С. Уваров определяет границы мери следующим образом: от Волги до Клязьмы, в губерниях Ярославской, Владимирской, в западной части Нижегородской и в Московской до Звенигородского уезда²⁰. О. Диев, в своей статье «Какой народ населял в древние времена Костромскую сторону?», полагает, что поселения мери шли далее на север, захватывая часть теперешней Вологодской губернии²¹. Того же мнения местный ярославский историк г-н Серебряников и неизвестный автор «Исторического очерка Ярославской губернии». Основываясь на сходстве названий урочищ в Ярославской и Вологодской губерниях, они оба полагают, что поселения мери шли на северо-восток до самого Уральского хребта²². Г-н Артемьев, в предисловии к «Спискам населенных мест Ярославской губернии», ставит границами мери на северо-западе Мологи и Шексны, а на востоке р. Унжу²³. Господа Раевский и Огородников, во введении к «Спискам населенных мест Владимирской и Московской губерний», считают возможным продлить поселения мери на восток до г. Муром, где обитал уже другой чудской народец, мурома, а на юге и юго-западе ограничивают эти поселения левым берегом Москвы-реки, до самого ее истока²⁴.

Из представленных нами мнений ученых – исследователей местной старины – можно усмотреть, что главным образом меря жила в теперешних губерниях: Ярославской, Костромской, Владимирской (до Клязьмы) и северной части Московской губерний.

Как ни желательно было бы в интересах науки восстановить исчезнувшую физиономию мери, как ни желательно было бы вполне реставрировать этот народец, теперь не существующий, но мы не можем этого сделать в настоящее время, или, лучше сказать, мы не решаемся взять на себя этой задачи. Мы видели, каким неясным светом освещено для исследователя все чудское племя вообще, мы видели ту неустойчивость, которой до сих пор отличаются воззрения ученых на происхождение, распространение и историческую роль этого племени. Относительно отдельного чудского народца мери представляется еще больше неясности, еще больше неустойчивости в воззрениях. Даже самый материал, из которого можно извлечь некоторые данные о мери, не приведен в порядок, не сгруппирован должным образом, не проверен критически. Между тем материал этот в настоящее время, как нам кажется, достиг уже достаточной полноты для научной обработки.

Мы далеки от мысли представить именно эту научную обработку материала, мы не решаемся привести его в строгую систему, сгруппировать должным образом и осветить, так сказать, светочем науки. Такая задача превысила бы наши силы, наши знания. Мы поставляем себе более скромную задачу. Она ограничивается попыткой наметить главнейшие, по нашему мнению, рубрики групп материала, приняв за основание при этом степень важности и достоверности извлекаемых из той или другой группы данных, и затем указать на важнейшие из этих данных.

Материал, из которого могут быть извлечены некоторые этнографические данные о мери, может быть разделен на следующие *четыре* группы: *первая* состоит из свидетельств письменных источников – летописей, житий святых и актов; ко *второй* группе относится рассмотрение языка, быта, нравов и обычаев теперешнего великорусского населения губерний Ярославской, Костромской, Владимирской и северной части Московской; *третья* группа заключается в рассмотрении языка, быта и религиозных верований мордвы и черемис, могущих иметь некоторое отношение к языку, быту и религиозным верованиям мери; наконец, *четвертая* группа состоит из результатов курганных раскопок и археологических находок в вышеназванных губерниях.

Самой достоверной, конечно, должна быть почтена первая группа письменных свидетельств. Но данные, извлекаемые из этой группы весьма скудны; они касаются только географического распространения мери и некоторых указаний на ее религию. Вторая группа, со

временем, при более точном ее изучении, может представить много важных данных, но при настоящей ее необработанности из нее можно извлечь только несколько предположений, не лишенных, впрочем, интереса и значения. Особенности свойства разговора теперешнего великорусского населения Ярославской, Костромской и Владимирской губерний, а также племенной характер этого населения, его быт, нравы, простонародные праздники, обряды и поверья, в которых находится много черт, отличающих население этой местности от других местностей России, дают право предполагать, что когда-то обитавший в пределах этих губерний чудской народец меря пропал не бесследно, дают право предполагать, что остатки этого народца живут в теперешнем населении края... Данные из третьей группы, если не вполне еще достоверны, то, по крайней мере, вероятны. Эти данные дают возможность, при сопоставлении этнографических особенностей мордвы и черемис, заключить, на основании этого сопоставления, по аналогии, о некоторых этнографических чертах мери. Что же касается до последней, четвертой группы, то данные из результатов курганных раскопок и археологических находок представляются нам еще слишком шаткими для того, чтобы основать на них какие-нибудь выводы.

Переходим теперь к указанию важнейших данных, которые можно извлечь из выставленных нами четырех групп.

Первая группа. Позднейшие свидетельства летописей и актов дают нам возможность проверить показание Нестора о том, что меря жила у ростовского озера Неро и Клещина озера и, кроме того, убеждают нас, что меря распространялась своими поселениями дальше, чем предполагал Нестор.

Переяславский уезд еще в XVI в. назывался *Мерским станом*²⁵. У рязанских пределов летописи указывают речку *Мерску*, на которой стоял с «воями» князь Изяслав Владимирович в 1209 г., при нападении на Ростовско-Суздальскую область рязанских князей²⁶. В обеих духовных грамотах Московского Великого князя Ивана Калиты XIV в. упоминается село *Усть-Мерское*, лежавшее около Коломны²⁷. В XIII в. Галич-Костромской назывался, в отличие от

южного Галича, *Мерьским*. Так называет его летописец под 1238 г. Описывая татарский погром, он говорит, что татары «попленина все по Волге и до Галича Мерьского»²⁸. Из жития св. Исаии, епископа Ростовского XI в., мы видим, что у туземцев Ростовской области были идолы²⁹. Камень Велеса, которому поклонялись в Ростове в «Чудском конце», тоже около XI в. был разрушен св. Авраамием Ростовским³⁰. Священное значение камней у мери подтверждается известием жития св. Иринарха Ростовского, который уже в XVII в. сверг в реку Трубеж камень, лежавший около Переяслава и, по понятию жителей этого города, имевший целебную силу против разных болезней³¹. Припомним здесь, что камням вообще приписывалось священное значение на всем финском северо-востоке³². Летописные свидетельства говорят нам также о волхвах, появлявшихся в Ростовской области, в которых можно видеть следы жрецов у мери. Особенно любопытно в этом отношении известие Нестора под 1072 г.³³

Вторая группа. Главная особенность теперешнего населения губерний Ярославской, Костромской и Владимирской заключается в особом свойстве говора. Это свойство характеризуется полногласием и некоторыми чуждыми словами, находящимися до сих пор в употреблении. Филологи признают этот говор за отдельную ветвь великорусского наречия, называя ее суздальской, а И. П. Сахаров, известный знаток русской народной жизни, кроме того, находит в суздальской ветви еще пять оттенков: суздальский, ярославский, костромской, галицкий и муромский³⁴.

Мы не считаем себя вправе входить в филологические рассуждения о характере этой ветви великорусского наречия со всеми ее оттенками, и по некомпетентности нашей в этом деле, и по не разработанности самого предмета. Но считаем возможным заметить здесь, что, по нашему мнению, нет никакого сомнения в том, что в оттенках говора великоруссов выше-

названных губерний роль мери далеко немаловажна и что при тщательном изучении наших областных наречий представится со временем возможность, быть может, вполне восстановить забытый, но не пропавший язык мери³⁵. Остатки этого языка, кроме того, могут находиться в местных названиях урочищ и поселений губерний Ярославской, Костромской и Владимирской, которые, звуча дико для русского уха, являются нам совершенно непонятными словами³⁶.

Еще более непонятного встречаем мы в отдельных, специальных говорах Ярославской, Владимирской и Костромской губерний, в так называемых *тайных языках*. Откуда, например, взялся язык офеней, этих пресловутых ходебщиков – продавцов Владимирской губернии, известных по всей России? Офени сами себя называют *мясыками* и производят и это название, и свой язык от мясыков, народа, когда-то, по их мнению, кочевавшего по Волге. Язык офеней, основанный на аналогии, подобии и иносказательном значении слов, представляется на первый взгляд просто тарабарщиной, случайным извращением и перевираанием русских слов. Но нельзя поручиться, что в состав, если не в основу, этого языка не легли бы слова забытого языка мери³⁷. В Угличском уезде Ярославской губернии существуют мелкие скупщики холста, ниток и других льняных изделий на сельских базарах, называемые *маяками*, которые тоже употребляют между собою условный, тайный язык; язык этот, впрочем, состоит, преимущественно из слов, означающих денежный счет³⁸. Подобный же, странно звучащий, денежный счет существует в г. Нерехте Костромской губернии³⁹. В Нерехте же есть особый тайный язык, называемый *елтонским*, тоже принадлежащий местным торговцам. (От слова: елтыш – «безмен» на этом языке; знающий язык безменников). О. Диев приводит любопытные образчики этого языка, объясняющие некоторые названия мест Костромской губернии, совершенно необъяснимые из языка русского. Так, например, *костр*, *кострыга* значит на елтонском языке город; *мае*, по-мордовски – красивый; отсюда Кострома, – красивый город. *Кинишит* по-елтонски – приставать, спокойно стоять; откуда Кинешма, в соединении с мордовским *мас*, означает красивую пристань. Елтонские слова: *гал* – многолюдно, *лах* – соседний, *олонно* – давно, *шунге* – песенник, по мнению О. Диева, дали названия: Галичу, Луху (город и река Костромской губ.), Олонцу и селу около Костромы, Шунге⁴⁰. В Галиче существует тоже тайный язык *елманский*, который П. П. Свиныин считает за остаток языка мери⁴¹.

Переходя к племенному характеру населения, мы позволим себе указать, в виде примера, на два особенных типа населения Ярославской губернии, являющих в себе очень много загадочного: *пошехонцев* и *сицкарей*.

О Пошехонье, означавшем прежде целую страну по Шексне, называвшейся, по местному говору, Шехонью, ничего не пишут летописцы, зато много рассказывают сказки. Никакой грамотей не сумеет объяснить, откуда взялись пошехонцы: вывелись ли они в туземном лесу, прибыли ли из за моря, сами ли бивали других, или были биты другими в старые времена; зато и безграмотные знают, как пошехонцы «в трех соснах заблудились», как «искали комара за семь верст, а комар сидел у них на носу», как они «лазили на сосну Москву смотреть», как «ходили покупать Ивана Великого» и т. п. Обычай и нравы пошехонцев во многом различны от окрестной массы великорусского населения⁴². Сицкари, живя в местности, лесистой и болотистой по р. Сити, в Моложском уезде, отличаются от остального окрестного населения, и лицом, и фигурой, и одеждой, и говором, и обычаями. Неуклюжий, небольшого роста, с выдавшимися скулами, одутловатым лицом и редкой, клочковатой бороденкой, сицкарь отличается домоседством, прилежанием и честностью. Окрестные жители говорят про человека неловкого в обращении, не умеющего щеголевато одеваться: «экой ты сицкарь», или «кокора сицкая». Откуда взялись пошехонцы и сицкари? Положительных ответов на это мы не имеем⁴³.

Различие в складе религиозного воззрения у великоруссов и южноруссов, преобладание в первом воззрении внешности, обряда и практичности над внутренним содержанием, догмой и большее развитие поэтической стороны религии во втором давно обращают на себя внимание исследователей нашего быта, нашей истории. Многие из исследователей пришли к заключению, что причину этого различия следует искать в неизбежном присутствии чудского, финского элемента в великорусской народности. Эту мысль высказывал еще в 30-х годах Снегирев⁴⁴, а в последнее время гораздо лучше определение выражена она господином Мельниковым, как мы увидим ниже.

Вследствие чего, в самом деле, произошли эти особенности сравнительно с югом России, которые мы видим в некоторых праздниках Костромской и Ярославской губерний; например в празднике коляды и таусеня⁴, в празднике Семика⁵, в который сжигается кукла Костромы?.. Откуда это чествование камней, неизвестное на юге и бывшее сильно распространенным на финском северо-востоке и долго сохранявшееся в вышеназванных губерниях? Наконец, происхождение самого Велеса, «скотьяго бога», не разъяснено должным образом, и многие желают в нем видеть бога мери⁴⁵. В свадебных и похоронных обрядах Ярославской, Костромской и Владимирской губерний наверное найдется также много отличий от южнорусских⁴⁶.

Какая доля участия в образовании всех этих особенностей языка, характера и обычаев народа в тех местах, где в одно время обитала меря принадлежит собственно мере, какая доля падает на другие народные племена, оставившие свой след на великой равнине северо-восточной Европы, в каком отношении находится влияние мери к другим влияниям? На все эти вопросы пока не может быть ответа.

Третья группа. Есть предположение, что в глубокой древности существовала отдельная и обширная ветвь чудского племени, – племя мордовское, обитавшее в областях Оки и верхнего течения Волга. Г-н Иловайский в своей «Истории Рязанского княжества» полагает, что мордовское племя когда-то занимало огромное пространство от Уральских гор до самого Днепра, что, вследствие движения кочевых орд из-за Урала, оно было отрезано от южной своей части – хозар – и отодвинуто далее на север, где потом утратило родовое название, и в IX в. появилось в истории раздробленным, под именами разных отдельных народцев⁴⁷.

Действительно, можно предположить, что теперешние поволжские чудские народцы – мордва и черемисы – составляли в одно время одно целое с несуществующими теперь народцами мерею и мурою: *мордва*, по изъяснению Кастрена, означает людей на воде (мор – человек; ва – вода), а *мурома* – людей на земле (ма – земля). Кастрен, поэтому, считает мордву с муромой за одно поколение, впоследствии распавшееся на две ветви, из которых одна осталась при воде (мордва) а другая была оттеснена далее от воды, на землю (мурома)⁴⁸ Образчиков языка муромы, кроме ее самоназвания, до нас не дошло; но мы имеем любопытное известие о религиозных обрядах муромцев XI в., представляющих большое сходство с некоторыми обрядами мещеряков, которые признаются этнографами за видоизмененное название мордвы-мокши⁴⁹. В житии муромского князя Константина читаем о муроме XI в.: «Очныя ради немощи в кладезях умывающиеся и сребреницы на ня повергающее... дуплинам деревянным ветви убрусцем обвешивающе и сим поклоняющиеся... кони заклающе и по мертвых ременные плетения и древолазная с ними в землю погребающе, и битвы, и кроение и лиц настрекания и драния творяще»⁵⁰. Мещеряки до сих пор, при погребении мертвых, «творяют

⁴ Таусень (авсень, овесень, баусень и пр.) – русский праздник в канун нового года. По предположению В. И. Даля, праздновался в первый день весны, 1 марта, которым прежде начинался год. – *Здесь и далее примеч. ред.*

⁵ Семик – восточнославянский праздник весеннелетнего календарного периода, знаменовавший прощание с весной и встречу лета. Отмечался в седьмой четверг после Пасхи. В народном календаре, с принятием христианства, к этим дням был приурочен праздник Троицы.

лиц настрекания и драния». Г-н Ауновский в своем «Этнографическом очерке Мещеры» говорит, что женщины, когда опустят покойника в могилу, поднимают вой, *жестoko царапая себе лицо ногтями*. То же самое делает невеста при снаряжении ее в церковь и благословении родителями; при этом она неистово кричит и визжит для выражения печали⁵¹. Лес, как известно, в большом почитании до сих пор у мордвы, черемис и вообще у всех северо-восточных чудских народов. Принесение в жертву лошадей прекратилось у мордвы только с того времени, как она перестала употреблять их в пищу⁵². Г-н Иловайский полагает, что «мещеря» есть видоизменение слова «меря»⁵³. Снегирев и Диев также предполагают, что мордва-мокша (мещеря) есть меря⁵⁴.

Мордовский народ, разделяющийся на две главные ветви: *эрзу* (северо-западную) и *мокшу* (юго-восточную) и населяющий лесную сторону по Волге и Оке – был издавна народом воинственным и вошел во враждебные столкновения со славяно-русским племенем достаточно давно: при самом начале его поступательного движения на восток. Отличительная черта мордовского народа заключается в его способности к слиянию с другими народами: так он подвергся сильному влиянию татар, после завоевания ими Булгарского царства, в улусы, которого входила земля Мордовская, а затем, после покорения царства Казанского Московским государством, начал сильно русифицироваться. На восток и на юг от р. Мокши, говорит Герберштейн о мордве-мокше XVI в. (об эрзе он не упоминает), встречаются огромные леса, в которых живет народ мордва, который имеет свой собственный язык и состоит под властью московского князя. Одна часть мордвы пребывает в идолопоклонстве, другая часть исповедует ислам. Мордвинь живут рассеянно по деревням, обрабатывают поля, питаются дичиной и медом, имеют в изобилии драгоценные меха; это люди в высшей степени свирепые, потому что не раз храбро отражали даже татарских разбойников. Почти все они пешие, отличаются продолговатыми луками и искусством метать стрелы⁵⁵. Теперешний быт мордвы не представляет особенностей от быта великорусского. Но охота и пчеловодство до сих пор составляют главнейшие промыслы мордвина. Вместе со способностью к слиянию с чуждыми народностями мордовский народ выказал неимоверную стойкость в отстаивании неприкосновенности своей религии, из-за нарушения которой он весьма часто с ожесточением восставал против московской власти, бывшей проводником христианства среди мордвы⁵⁶.

Общий строй мордовских религиозных верований определяется *дуализмом*, подробности которого видоизменяются по племенным ветвям. Верховный бог, бог добра и света, *Чам-Пас* у эрзы и *Шкай* у мокшан и *Шайтан*, сотворенный верховным богом, представитель зла и мрака, стоят во главе божественной иерархии мордвы. Родоначальницей генеалогической иерархии божеств является *Анге-Патяй*, дочь Чам-Паса, от которой произошли все остальные боги – *пасы*, и богини – *патяй*, которых всех вместе г-н Мельников насчитывает 14. Три сына Анге-Патяй: *Нишки-Пас*, *Велен-Пас* и *Назаром-Пас* – являются богами неба, земли и царства мертвых, которое по мордовским представлениям, согласно их быту и промыслу, характеристически воображается под видом темного и обширного пчельника. К низшему разряду божественной иерархии относятся боги – охранители и покровители лесов, охоты и звероловства. Около богов и богинь группируются добрые духи (озаис у эрзы и озкс у мокши), сотворенные, но не рожденные Анге-Патяй. Около Шайтана находится сонм сотворенных им злых духов. У мордвы очень много легенд и сказаний о сотворении мира и Шайтана, о происхождении озаисов, о судьбе первых людей, о близких сношениях богов с людьми. Ни идолов, ни храмов у мордвы не было. Обрядовый культ мордвы заключается в молениях и жертвоприношениях. Огороженные места, на которых они приносятся, обыкновенно в лесах, называются *кереметями*. (Керемети в деревнях обсаживаются березами.) Моления и жертвоприношения в совокупности называются *молянами*, которые разделяются на *домашние* и *общественные* (велен-молян). Кроме молян в кереметях, совершались моляны на кладбищах в честь умерших пред-

ков (*атяня-молян*), сопровождавшиеся обрядами, весьма похожими на русские поминки. У эрзы были жрецы, у мокшан их не было; моления и жертвоприношения у них совершал глава семейства. Вообще, как самые религиозные верования, так и обрядовый культ, более развиты у эрзы, чем у мокши. Жреческие обязанности сложились у эрзы в правильную иерархию. Во главе ее стоит *прявт*, собственно не жрец, а главный распорядитель молян. Верховный жрец – *возатя*, и двенадцать его помощников, разделявшиеся на четыре чина, каждый со специальными обязанностями при жертвоприношениях – *париндяитов*, *янбед*, *кашангородов* и *туросторов* – составляют иерархию жрецов; кроме них на молянах играют роль *позанбунаведы* – служители при жертвоприношениях, подчиненные непосредственно *прявту*. Предметы жертвоприношений мордвы суть: *домашние животные*, преимущественно быки и бараны, *хлеб*, *яичница*, *мед* и *пиво*, называемое *пуре*. Орудиями жертвоприношения являются *штатолы* (восковые свечи), *парка* (священная кадка), *священные ковши* и *ножи* и *горящий уголь*. Большую роль в молянах играет *камень* – *кардо-сярко*, который непременно находится на дворе каждого дома и в каждой керемети. Общественное моление, Велен-молян, совершается у мордвы с большой торжественностью и со стройным порядком богослужения. Кроме молений с возгласениями *возати* и жертвоприношений, совершаемых им же, они сопровождаются музыкой на дудах и пением девушек. У г-на Мельникова описан подробно этот Велен-молян. Подробности исполнены глубокого интереса, но мы не считаем возможным приводить их здесь вполне: это вывело бы нас за пределы общего очерка мордовских верований, который нам нужно было представить. Мы остановимся только на одном обряде богослужения Велен-молян, а именно, на сборе необходимых для жертвоприношений припасов. Этим обрядом, по весьма справедливому мнению г-на Мельникова, может быть объяснено одно, до сих пор малопонятное и для нас весьма важное, место Несторовой летописи о появлении волхвов в Ростовско-Суздальской области в 1071 г. По глубокому интересу самого обряда относительно сближения его с рассказом Нестора, мы приводим его в подробном извлечении.

Характеристические особенности этого обряда заключаются, главным образом, в способе приготовления к моляну муки, меда, масла, яиц и денег *замужними женщинами*, в том способе, которым они передают приготовленное сборщикам жертвенных припасов: *париндяиту* и *янбеду*, в домашнем жертвоприношении, производимом женщинами по уходе сборщиков, и в роли, которую играют во всем этом обряде девушки. Мужчины не только не принимают в приготовлениях никакого участия, но не могут их даже видеть, для чего с раннего утра того дня, когда в деревню должны приехать сборщики (а это известно заранее), уходят, на работу в поле, в овины, или же прячутся в хлевах, как скоро узнают что *париндяит* с *янбедом* приехали. Даже мальчики прячутся с отцами; при матерях могут оставаться только грудные и не умеющие ходить дети мужского пола. Накануне того дня, когда должны приехать в деревню сборщики, женщины делают приготовления. Они шьют три-четыре и более холщовых мешочка и к ним пришивают по две длинные тесемки или веревочки. В один мешочек хозяйка насыпает фунт, два или более муки, смотря по тому, сколько предполагается *молельщиков* на предстоящем моляне, в другой кладет бурачок с медом, в третий несколько гривен денег, в четвертый – бурачок с маслом, в пятый – бурачек с яйцами и т. д. Потом накрывает стол чистым рядом и раскладывает на нем назначенные для сборщика мешки. Подъехав к деревне, сборщики останавливаются у околицы и некоторое время медлят, чтобы дать женщинам время сделать нужные приготовления к их приему. Затем, когда бегающие по улице девочки скажут матерям, что *париндяит* и *янбед* прибыли, последние с разными мифическими приемами и молитвами входят в избу. При входе *янбеда* в избу в ней горит *штатол* на *шестке* печи, перед которой стоит стол с мешками. Перед ним становятся *замужние женщины* семьи задом к двери. Плечи и грудь у них обнажены по пояс. Девушки стоят возле них также задом к двери, но не обнажены⁵⁷. *Париндяит* с *янбедом*, войдя в избу, останавливаются у самой двери, один – держа *парку*, другой – *жертвенный нож* и читают громко молитву *Чам-Пасу*, *Анге-Патяй* и *Юртова-*

озаису (духу покровителю дома). Тогда старшая замужняя женщина берет обеими руками за тесемки мешок с мукой, закидывает его через голову назад на голые свои плеча, и, не оглядываясь, потому что не должно женщинам видеть лицо сборщиков, пятится задом к дверям. Когда таким образом она подходит к сборщикам, париндяит подставляет к спине ее священную парку, а янбед, взяв в одну руку мешок, другой рукой пять раз слегка колет подошедшую священным ножом в обнаженные плечи и в спину, читая молитву, обращенную к Анге-Патяй, и потом перерезает тесемки; мешок падает в парку, а концы тесемок остаются в руках женщины. Она отходит к столу, не оглядываясь; за ней другая таким же образом подходит к сборщикам с другим мешком, третья с третьим и т. д. Если же в семье находится одна замужняя женщина, то она одна относит к сборщикам описанным порядком приготовленные мешки один за другим. Девушки остаются у стола: они не могут трогать приготовленные мешки. Приняв назначенные для жертвоприношения припасы, сборщики уходят, не затворяя ни дверей избы, ни ворот, складывают все полученное на возе и отправляются в следующий дом. По удалении сборщиков женщины разводят на шестке огонь, зажигая его горящим штатолом, и сжигают на нем остатки тесемок. Пепел их, вместе с углями, кладут в загнетку с молитвой к Юртова-озаису (духу-покровителю дома), которую произносит старшая в доме⁵⁸. Любопытный рассказ Нестора о волхвах в Ростовской области мы приведем ниже, а здесь припомним только, что во время голода в Ростовской области, волхвы были убеждены, что причина этого голода заключается в том, что замужние женщины «обилие держат» у себя за плечами, за что они и убивали их, прорезывая им «в мечте», как говорит летописец, за плечами и вынимая оттуда «жито, рыбу, мед и скору».

Священным днем у мордвы считается пятница. Праздники мордвы и сопровождающие их обряды весьма схожи с великорусскими. Конечно, много из этих обрядов перешло к теперешней мордве от русских. Это тем более вероятно, что в настоящее время большая часть мордовского народа, забыв свой язык, употребляет русский даже и в языческих своих молитвах. «Но нельзя также отвергать, – говорит г-н Мельников, – чтобы некоторые старинные мордовские религиозные обряды не перешли к русским». Так например г-н Мельников полагает, что *коляда* и *авсень*, или *таусень*, заимствованы великоруссами у мордвы или у другого какого-либо финского племени, на что указывают самые названия того и другого святочного обряда. В русских деревнях неделя перед Троицыным днем зовется *зелеными святками*. Здесь видно торжество праздников Семика и святков, которое вполне объясняется празднованием мордвы в оба праздника Анге-Патяй и березовым богам: лесному Колу-озаису и домашнему, Келяде⁵⁹.

Сопоставляя затем и другие праздники и обычаи мордовские с великорусскими, г-н Мельников заканчивает свои статьи о мордовских религиозных верованиях следующими словами: «Вообще древняя мордовская вера, кажется, имела большое сходство с языческою верою русских славян, если не была одна и та же. У русских, уже девятьсот лет принявших христианство, она совершенно забылась, но остатки ее сохранились в разных обрядах, из которых многое трудно, или вовсе невозможно объяснить. Мордва крещена не так давно и еще помнит старинную свою веру. По сохранившимся у мордвы религиозным обрядам и по преданиям о ее религии можно объяснить многие русские обычаи и обряды»⁶⁰. В другом месте своих исполненных глубокого интереса статьях о мордве, к сожалению, неоконченных, г-н Мельников говорит по поводу сходства многих мифическо-космогонических легенд и сказаний мордовских с такими же русскими: на подобные сказания нельзя смотреть иначе, как на остатки верований русского народа еще во времена язычества. Кто от кого заимствовал эти верования, славяне ли от финнов, или финны от славян – решить трудно, но, кажется вернее предположить, что верования эти были общи обоим соседним племенам, славянскому и финскому⁶¹.

Предположение о связи мери с черемисами имеет в свою пользу больше вероятности, чем предположение о сродстве мери с мордвой. Черемисы называют себя *мари* – люди. Кастрен

полагает, что название *меря* – есть славянское изменение слова «мари» и считает, вследствие этого, возможным «заключить по справедливости, что меря или состояла из черемис, или представляла поколение, близко родственное с ними»⁶². В Ростове до сих пор существует предание, что часть жителей Ростовской области при распространении там христианства выселилась в поволжские страны. Это предание занесено в одну «Космографию» XVII в. и, кроме того, находится в «Истории о Казанском царстве»⁶³.

Черемисы, живущие на правой (горной) и левой (луговой) сторонах Волги, разделяются в настоящее время на две ветви: *горных* и *луговых*. Черемисы, выросшие и воспитавшиеся среди лесов, стремились на луговую сторону Волги более и более, по мере того как горная сторона мало-помалу обезлесивалась. В настоящее время чаще всего сохранился примитивный тип черемис у луговой отрасли. А горная, подверженная прикосновению других народностей, теряет с каждым годом больше и больше этот тип, робкий и боязливый по природе, крайне необщительный, но способный, вследствие этой необщительности, дать сильный отпор чужеземцам, являющимся непрошеными гостями в лесную сторону: это луговые черемисы доказали упорным своим сопротивлением русским после занятия ими Казанского царства. Религиозные верования черемис до сих пор еще не вполне разработаны. В луговой отрасли они сохранились, без сомнения, полнее и чище чем в горной, но, мы, не имея в своем распоряжении достаточного числа достоверных свидетельств о религии луговых черемис, вынуждены ограничиться характеристикой религии черемис горных. Мы воспользуемся для этой характеристики превосходной статьей профессора Казанской духовной академии, П. В. Знаменского, источником для которой служили личные наблюдения автора и рассказы самих черемис⁶⁴.

В основании религиозных верований черемис, как и у мордвы, лежит *дуализм*, который не развился вполне, не определился окончательно. Вся мифология черемис вообще лишена определенности и строгой системы, что зависит не от молодости этой мифологии, а от народного характера черемис, склада их мирозерцания. Мирозерцание черемис отличается отсутствием идеализма и поэзии и господством сухого практицизма, далекого от всего, не относящегося к обыденной жизни. Таким сухим практицизмом проникнута у черемис и мифология – это первоначальное выражение народного духа. Догматизм занимает в ней последнее место, на первом плане стоят обряд, жертва как средство получить от божества то или другое благо, защиту от той или другой беды. В настоящем своем развитии религия черемис представляет политеизм, при смутном представлении божеств и их иерархической зависимости друг от друга и при утилитарном к ним отношении. Период первоначального фетишизма уже миновал, но следы его видны в священном значении леса вообще и березы и рябины в частности.

Во главе дуалистической религии черемис стоят два божества, представители доброго и злого начала: *Кого-Юма* и *Кереметь*. Представление о первом крайне смутно и грубо, о втором гораздо определеннее и, так сказать, развитее, потому что Кереметь, как представитель злого начала, гораздо популярнее доброго божества у полудикого черемиса, для которого горе и нужда в жизни встречаются чаще, чем радость и наслаждение. Представление Кого-Юмы, по справедливому замечанию П. В. Знаменского, явилось только как неизбежный результат обобщения при сопоставлении разных отдельных божеств. Этих божеств мужского и женского рода, *юм* и *авявлян* (матерей) группируется около Кого-Юмы значительное количество: первых – более двадцати, вторых – до дюжины. Большинство юм и авявлян является богами – покровителями лесов, хлебов, пчеловодства и скотоводства, – самых необходимых предметов существования и довольства полудикого человека; весьма небольшая часть приходится на силы и явления физические вообще, и только два божества имеют своей специальностью охранение собственно человека. Одно божество судьбы и одно спасающее от поклепов, напраслины и доносов. Кереметей тоже несколько. Они не имеют, как юмы, специальных областей своего ведения, а приурочены к определенным местностям: оврагу, камню, лесу, озеру, болоту, к которым

и ходят на моления им⁶⁵. Около юм и кереметей группируются сонмы духов добрых (*сакчи*) и злых (*шайтаны* и *вадьиши*). Особенным почитанием пользуются вадыши, имеющие значение местных героев-злодеев, к которым обращаются люди после смерти, желая сделать своим собратьям что-нибудь недоброе.

Существенная сторона обрядового культа заключается в жертвоприношениях, которые разделяются на частные и общественные. Совершает жертвоприношение в первом случае глава семейства или кто-либо из его родственников и друзей, а во втором *мужан* (ворожей, знахарь), сохранивший у луговых черемис значение жреца – *карта*. В жертву приносятся *домашние животные* (преимущественно коровы), мучные *лепешки* и *пиво*; местом жертвоприношения бывает лес. Жертвоприношение у черемис не есть выражение благоговейного чувства перед божеством, а приносится из практического расчета, для получения необходимых благ или изгнания бед и напастей; жертва нужна божеству в смысле еды; оно, как и человек, не может существовать без пищи. Поэтому от всех приносимых в жертву животных и яств часть идет божеству; эта часть или бросается в чистое место, или сжигается на огне.

Мужан, имевший прежде значение жреца, сохранил в настоящее время только характер ворожника, знахаря. Он пользуется большим почетом у черемис, и вещая его сила проявляется, главным образом, в двух видах: во снах его, имеющих пророческое значение, и в бесновании, которому он подвергается в каждое новолуние. Обязанности мужана, кроме совершения жертвоприношений, заключаются: в назначении времени и местности для общественного богослужения, в лечении людей и животных, в гаданиях (преимущественно по игле и по деньгам), в соединении брачующихся и в наречении имени новорожденному младенцу.

Праздники, в которых, несомненно, кроются следы глубокого язычества, у горных черемис мало-помалу забываются и приурочиваются к праздникам православно-христианским. Священным днем считается пятница, так же как и у мордвы. Земледельческие праздники, еще сохранившиеся у луговых черемис, как, например, праздник пашни и празднество после унавождения полей, не существуют больше у черемис горных. У них сохранился только один из этих праздников – осенний: *Шшигам-Эш*, существующий у луговых черемис под именем *Кишлян-Парем*, в честь окончания полевых работ, празднуемый 8 ноября. Остальные прививки горных черемис приурочены к нашим. Праздник *овец* совершается между Новым годом и Крещением; праздник *урожаю льна* на Масленице. Три так называемые *Канма* совершаются черемисами в конце Великого поста. Первый канм, состоящий в изгнании шайтанов, совпадает с нашей Лазаревой Субботой, а два другие, в воспоминание умерших родителей, совершаются в среду и четверг на страстной неделе. Родителей черемисы вспоминают только для того, чтобы умиловить их и оградить себя от посещения покойников, которых они страшно боятся. Кроме родителей, никаких родственников, более дальних, они не поминают. Представления о загробной жизни у черемис развиты достаточно слабо. Она представляется им подобием, или, лучше сказать, повторением настоящей. Существует у них, правда, смутное понятие о различии рая от ада, но первый есть земная жизнь в полном довольстве, а второй является в виде котла с кипящей смолой. Через котел положена жердь, по которой адский судья проводит умерших. Грешник сваливается в кипящую смолу, а праведник проходит по жерди благополучно. Но смерть есть дело Керемети, поэтому черемисы чувствуют страх перед покойником и не посещают могил.

Несмотря на такую неопределенность религиозных верований, черемис сильно привязан к своей религии. «*Нашу веру кончат – нас кончат*», – говорит он, как бы предчувствуя, что с вырубкой лесов и с поселением среди них русских чудское-черемисское язычество уничтожится вместе с самой народностью, уступая место более развитому племени великорусскому.

Что касается до быта черемис, то он и в настоящее время не возвышается над примитивным бытом звероловным. Этот быт преобладает у черемисы луговой, тогда как у горной развиваются более высокие бытовые фазы – земледельческая и промышленная. Тихий, загнанный

и боязливый черемис луговой стороны Волги идеалом жизни считает спокойное пребывание в своем дорогом лесу, охоту на медведя и волка, занятия пчеловодством и рыболовством. Даже крепкий семейный быт у него не сложился. Положение женщины весьма низко, а отношение ее к мужчинам не определяется строгими границами супружеской верности, так что сожителство черемисской женщины с посторонними в отсутствие мужа считается как бы за необходимый обычай⁶⁶.

Почти такими же чертами рисует нам религию и быт черемис наблюдательный иностранный путешественник Олеарий, проехавший по Волге в первой половине XVII в. Примитивно-грубой, неразвитой является эта религия, со слабыми представлениями о верховном существе, вся заключенная в обрядово-жертвенную форму (Олеарий говорит, что черемисы не верят в загробную жизнь). О быте их он говорит: «Живут черемисы по обеим сторонам Волги, большей частью не в домах, а в дрянных лачужках, питаются своим скотом, медом и дичью, отлично стреляют из лука и приучают к тому детей с малолетства. Это коварный, хищнический и колдовству преданный народ», – заключает Олеарий⁶⁷.

Не зная ни мордовского, ни черемисского языка, мы, к сожалению, ничего не можем сказать о степени соотношения этих языков с языком мери, которое, по всей вероятности, существовало. Язык есть главнейшее и самое определенное выражение народности, и более точное изучение языков мордовского и черемисского и сравнительное изучение финских наречий вообще, несомненно, приведут к любопытным выводам относительно языка мери.

Приняв предположения о возможности ближайшего сродства и связи мордвы и черемис с мерею за достоверные, мы можем допустить аналогию относительно быта и религии этих существующих народов с бытом и религией не существующего в настоящее время народца – мери. Какие же данные дают нам для этой аналогии выводы из совокупного рассмотрения мордвы и черемис? Данные эти сводятся к следующему:

- 1) мордва и черемисы преимущественно занимались охотой, звероловством и пчеловодством, промыслами самыми естественными в их лесистой местности;
- 2) мордва и черемисы долго были племенами воинственными и стойко отражали вторжения к себе чужеземцев. Этот воинственный дух замечают в них свидетельства XVI и XVII в.;
- 3) мордва и черемисы с течением времени подпали под влияние великорусского племени, и теряют постепенно свой племенной тип;
- 4) мордва и черемисы очень привержены к своей религии, которая, несмотря на их русификацию в настоящее время, может быть восстановлена в главных чертах;
- 5) религия эта основанием своим имеет дуализм;
- 6) иерархия богов не отличается стройностью и ясностью, и персонификация божеств не достигает строгой определенности;
- 7) религиозные верования вообще, бедные поэтическими представлениями, отличаются практицизмом, преобладанием обряда над догмой. Главнейшим проявлением обрядового культа является жертвоприношение;
- 8) в теперешних религиозных верованиях мордвы и черемис заметны следы фетишизма, первоначальный период которого уже для них миновал;
- 9) многие религиозные предания и обряды мордвы очень близки с великорусскими;
- 10) у мордвы и черемис были жрецы;
- 11) идолов и храмов ни у той, ни у других не было;
- 12) священным значением в особенности пользовались леса, рощи и камни.

Четвертая группа. Курганным раскопкам особенно посчастливилось во Владимирской губернии. Многочисленные курганы в уездах Суздальском, Юрьевском и Переяславском наследованы известными нашими археологами: графом А. С. Уваровым в 1851 и 1852 гг. и П. С. Савельевым в 1853 и 1854 гг.

Граф Уваров разделяет все курганы Владимирской губернии на три разряда: на курганы норманские, мерянские и боевые. «Чем более разрывали курганы, – говорит граф Уваров, – тем ярче определялись могилы мерянские, *принадлежавшие племени воинственному*. Возле всякого мерянина лежит его боевой топор, длинное копье и нож; даже возле женских осто-вов встречаемы были топоры, но меньшего размера». Мерянин высоко ценил коня, товарища своего в походах и битвах, и носил изображение его на поясах и на многих других украшениях. Исследовав более восьми тысяч курганов, можно себе составить понятие даже о развитии религии у этого народа. В курганах IX и X вв. нашли идола из глины, грубой отделки, изображения змей, напоминающих о змеином поклонении, господствовавшем на берегах Волги, сожженные кости разных зверей и птиц, показывающих, из чего состояли жертвоприношения. Меряне, как близкие соседи волжских булгар, имели много восточных монет и много болгарских подражаний восточным монетам; монеты западные встречаются, напротив, редко, потому что заносимы были к ним одними норманами. В курганах, в которых встречаются монеты XI или начала XII в., находятся также тыльные кресты и разные привески с изображением крестов. Видно, что около этого времени христианство просветило землю мерянскую⁶⁸.

П. С. Савельев, разрывший и исследовавший летом 1853 г. три тысячи курганов в Юрьевском и Переяславском уездах (из этого числа две тысячи близ Плещеева озера), сообщает об этих курганах следующие данные.

1. Они подразделяются на *могильные* и *боевые*; первых больше, чем вторых.
2. Все курганы относятся ко времени от VIII до XI в., принадлежа по большей части к периоду языческому.
3. Могильные курганы заключают в себе или остовы, или следы остовов, или же сожженные кости; очевидно, существовало обыкновение сжигать трупы при погребении.
4. Вообще в курганах находятся вещи, по которым можно заключить об одежде и занятиях вымершего племени: амулеты, металлические привески, бляхи, ложки, ключи, ножницы, ножи, точильные камни. В ногах у умершего ставили глиняный горшок с яствами или жертвоприношениями. Древние обитатели Переяславского и Юрьевского уездов хоронились с любимыми вещами умершего: воин – с секирою, топором, копьем, стрелами; всадник – с конем, седлом, уздою; торговый человек – с весами и гирею; женщины – с серьгами, бусами, кольцами, разными привесами.
5. Монеты, находимые в курганах, показывают, что население края еще до обрусения его имело сношения с западом через норманнов и с востоком посредством волжских булгар;
6. Разное оружие и вещи для одежды и женских украшений, находимые в курганах, могут быть также восточного происхождения, а весы и гири могли быть занесены с запада (такие весы и гири находятся в Скандинавии);
7. Влияние Византии проявляется в форме тельных крестов христианской эпохи; 8. Могильные курганы принадлежат меря⁶⁹.

Г-н Тихонравов, секретарь Владимирского статистического комитета, участвовавший в курганных раскопках гр. Уварова и Савельева в своей статье «Об археологических изысканиях во Владимирской губернии» приводит любопытный дневник своих работ. В этой же статье он повторяет выводы гр. Уварова и Савельева относительно курганов, принадлежавших мере⁷⁰.

Курганные раскопки в Ярославской губернии не были столь удачны, как во Владимирской, или, лучше сказать, были просто неудачны. Только курганы в Ростовском уезде, близ оз. Неро, раскопаны Савельевым⁷¹. Остальные раскопки производились в разное время без всякого плана и ученых приемов, губернаторскими чиновниками, и вещи, находимые ими, или пропадали неизвестно каким образом, или растаскивались крестьянами⁷². Позволим себе привести один характеристический случай из такого административного отношения к археологии, передаваемый местной газетой. Г-н редактор неофициальной части «Ярославских губернских

ведомостей», ехавший по делам службы по Угличскому уезду в 1860 г., *нечаянно* напал на курганы, которыми так богаты берега р. Юхоти, в Угличском и Романовском уездах. За недостатком времени он разрыл довольно небрежно, без всяких ученых приемов, три кургана. В курганах найдены: один скелет, с протянутыми вдоль руками – что показывало, что это не христианин – глиняный горшок и разные мелкие вещи, похожие на те, которые находились во владимирских курганах. Некоторые же из этих вещей, по словам ее известного автора, описавшего их, очень похожи на употребляющиеся до сих пор в одежде черемис. На скелет не было обращено никакого внимания, мелкие вещи были представлены губернатору, но куда после девались – неизвестно; а глиняный горшок, оставленный второпях г-ном редактором на месте его нахождения, был украден при наступлении ночи, «вероятно, зрителями, сошедшимися поглядеть на невидаль», по наивному предположению автора статьи «О Юхотских курганах». А между тем горшок, найденный в кургане – вещь очень любопытная. Горшок этот красной глины с резьбой красивого рисунка, в двадцать фунтов весу, по словам одного бурята, живущего в Ярославской губернии и основательно знающего обычаи своего племени, очень похож на горшки, доселе употребляемые бурятами на хранение домашних вещей⁷³.

Что касается до Костромской губернии, то были ли или нет там раскопки курганов, мы не знаем. Нам известна только одна случайная археологическая находка в Галичском уезде, которая может служить образчиком уже не административного, а хозяйственно-домашнего отношения в русской археологии. Осенью 1885 г. крестьяне г-жи Челеевой в селе Туровском, близ Галича, поправляли мельничную гать на речке Лыкшине, впадающей в Галичское озеро. Лом землекопов ударил обо что-то твердое, оказавшееся большим глиняным сосудом, который был наполнен разными металлическими вещами; сосуд был разбит железным ломом, несколько вещей, выпавших из него, пошли ко дну речки, а остальные были принесены крестьянами к помещице. Г-жа Челеева приказала значительнейшие из них положить в квасную гущу, а потом вычистить песком и кирпичом на уксусе. Большинство из этих «значительнейших» вещей Д. С. Бестужев, племянник г-жи Челеевой, отослал к родным в Москву и восемь штук подарил костромскому епископу Павлу, при объезде им епархии в 1836 г., а епископ Павел переслал эти восемь вещей в Московское общество истории и древностей Российских. П. П. Свиньин в своей заметке о них считает их принадлежащими мере⁷⁴.

В Московской губернии также случайно раскопано несколько курганов: четыре в Звенигородском уезде и десять в Бронницком. Вещи, в них найденные, схожи с вещами, находившимися в курганах Владимирской губернии и найденными в имении г-жи Челеевой⁷⁵. Московская губерния была исследована в курганном отношении двумя учеными: господами Гатцуком и Богдановым. Но исследования г-на Гатцука касаются южной части Московской губернии, где не было мери, а исследования Богданова, по словам г-на Гатцука, односторонние и не ведущие к правильным результатам, клонятся к доказательству, что первоначальными насельниками, аборигенами Московской губернии не были и не могли быть чудские племена. Мы не считаем себя вправе входить в рассмотрение работ г-на Богданова, имеющих специально антропологическую цель исследования.

Граф Уваров, как мы видели, пытается восстановить этнографическую физиономию мери по археологическим результатам курганных раскопок Владимирской губернии. Черты его бытового изображения сгинувшего народца весьма определены. Такая определенность, разумеется, очень желательна, но представляет, по нашему глубокому убеждению, только идеал выводов из археологических разысканий, едва ли возможный в настоящее время. Из раскопок и находок вроде тех, которые мы видели в Угличском и Галичском уездах, навряд ли можно извлечь строго научные данные.

Повторим сказанное нами в начале этой главы. Толстым слоем легли на северо-восточной равнине Европы племена друг на друга, сплелись, срослись одно с другим такими при-

чудливыми путями, что определить строго и точно грань между ними, проследить сплетения этих путей нет никакой возможности. Эти этнографические формации не поддаются точному анализу и строгой научной систематизации так же, как не поддаются этому анализу и этой систематизации напластания и формации геологические. «Большинство курганов, – говорит г-н Гатцук, – заключает в себе теперь два и даже три наслоения костей совершенно различных племен, так как не редко, в поздние времена нашей истории, в древние курганы погребались новые покойники»⁷⁶.

Из всего вышеизложенного трудно прийти к каким-нибудь положительным выводам относительно мери. При той неясности, которая господствует в наших сведениях о чудском племени вообще, о существующих его представителях, нельзя ожидать чего-либо определенного от ветви этого племени, давно угасшей и растворившейся в великорусском населении.

Славянские наречия и древности разработаны больше чудских, и то, какие непреодолимые трудности представляются для попыток восстановления частных, видовых отличий несуществующих теперь славянских племен: полян, древлян, кривичей, радимичей, вятичей и других. Сознаемся, что дальше гипотез нельзя идти из всего того материала, который мы представили о мери, но нам кажется, что самое указание на возможность этих гипотез не лишено некоторого значения.

Оглянемся же назад. Посмотрим, что можно извлечь гипотетического из всего представленного нами о мери: из свидетельств письменных источников, из рассмотрения особенностей теперешнего населения той местности, где жила в одно время меря, из аналогических заключений о мери по теперешнему быту и религии мордвы и черемис и наконец, из результатов курганных раскопок и археологических находок в губерниях Ярославской, Костромской, Владимирской, Московской.

Во-первых, мы имеем приблизительный район распространения мери, общий контур ее крайних поселений, данные для которого мы привели выше. *Во-вторых*, мы можем заключить, что следы языка мери, очень близкого с языком мордвы и черемис, сохранились в говоре теперешнего населения губерний Ярославской, Костромской и Владимирской, в местных названиях некоторых урочищ и поселений и в так называемых тайных языках этих губерний. *В-третьих*, мы имеем некоторую возможность уловить религию мери. Религия эта могла быть близка к религии мордвы и черемис. Первоначально, по всей вероятности, она ограничивалась грубым фетишизмом и не имела возможности доразвиться до того неясного дуализма и той неопределенной персонификации божеств, которые являются у мордвы и черемис. Поэтому навряд ли могли быть у мери идолы, которых нет ни у мордвы, ни у черемис. У мери пользовались священным значением камни, которые в житии святых Исаяи и Авраамия называются идолами только по общепринятой христианско-благочестивой терминологии. В лесистой стране, в которой обитала меря, лес, без сомнения, так же почитался, как почитается он доселе у мордвы и черемис. У мери были жрецы, или, по крайней мере, главные совершители и распорядители жертвоприношений, вроде прявт и возатей мордвы и карт и мужан у черемис. Следы этих жрецов сохранились в волхвах, появлявшихся в Ростовско-Суздальской земле и имевших там большое значение. Вообще, религиозные верования и обряды мери не бесследно пропали. Еще не успев окончательно развиться и оформиться, они столкнулись сперва с религиозными языческими верованиями славян, а потом с христианскими их представлениями. Вследствие этого столкновения религиозные верования славян и мери так переплелись и перепутались, что трудно и почти невозможно добраться до точного определения, что принадлежит в них чудскому народу, что славянам. Религия мери показала большую живучесть при распространении христианства в Ростовско-Суздальской области, что мы увидим в своем месте. Судя по этой живучести, и принимая в соображение, с одной стороны, выводы гр. Уварова из погребальных обычаев мери, а с другой – привязанность к своей религии мордвы и черемис, мы можем почтеть за вероятное, что меря, при столкновении со славянами-христианами, отста-

ивала свои религиозные верования с оружием в руках. *В-четвертых*, быт мери, не представляя особенных отличий от состояния вообще дикого племени, может быть характеризован так: живя в лесистой, дикой местности, меря занималась звероловством и охотой, и, быть может, распадалась на несколько родов, имевших своих племенных князьков, вроде тех, которые в позднейшее время являются у мордвы.

В таких только чертах кажется нам возможным представить гипотетическое изображение мери. Далее в своих выводах мы идти не решаемся. Таким мог быть этот исчезнувший народец в то время, когда стали среди него появляться первые славянские поселенцы. Мало-помалу эти поселенцы берут верх над мерею, которая пропадает, или лучше сказать, *претворяется* посредством славян в особый тип – великорусский.

Но прежде чем мы начнем следить за тем, как явились славянские поселенцы в землю мери, осмотримся кругом, взглянем на соседей мери, окружавших ее. Соседи эти принадлежали к трем племенам: чудскому, славянскому и литовскому.

Чудские соседи мери, одноплеменные ей, охватывали ее с востока, севера и северо-запада. С восточными ее соседями: муромой, мордвой и черемисом, мы уже достаточно знакомы из предшествующего изложения, из которого мы видели, что эти племена, весьма вероятно, составляли некогда один народ с мерею. Северным чудским соседом была пермь, с которой находились в давних сношениях новгородские славяне. Наконец к северо-западу от мери сидело чудское племя веси – по Белоозеру. О веси мы ничего не можем сообщить, кроме ее имени и поверхностного знакомства с нею арабов, о чем мы упомянули выше⁷⁷. К какой отрасли чудского племени принадлежала весь, к западной или восточной – и этого нельзя решить. Она слишком рано подпала славянизации как ближайшей из народцев чудского племени к владениям новгородцев, из которых шло главное колонизационное движение славян на северо-восток. Память о веси сохранилась доселе в имени уездного города Тверской губернии Весьегонска и в нескольких названиях селений и урочищ близ этого города и во Владимирской губернии, где весь, по предположению некоторых, прежде также обитала⁷⁸.

На запад, юго-запад и юг от мери шли поселения трех славянских племен: новгородцев, кривичей и вятичей. Как ни трудно представлять частную характеристику каждого отдельного племени в ту отдаленную эпоху, когда вообще однородные племена близки друг к другу и не успели еще вполне выразить своих видовых особенностей, тем не менее, это до некоторой степени все-таки возможно.

Из свидетельств Нестора мы можем заключить, что племя новгородских славян было одно из самых развитых в культурном отношении племен славянских. Из приводимых им перечислений постепенного расселения славян по русской земле мы видим, что новгородские славяне были самыми поздними славянскими выходцами с юга и самым крайним, передовым их постом на западе и северо-востоке; поэтому-то новгородцы неизбежно должны были войти в борьбу с двумя соседними племенами: литовским и чудским. Эта постоянная борьба и счастливое географическое положение вблизи моря, на почве бесплодной, но преисполненной водными сообщениями, этими единственными путями для передвижения в эпоху исторического младенчества народов, были причиной дальнейшего самостоятельного торгового и политического значения Новгорода и постепенно развивали в новгородцах тот дух независимости, свободы и неустрашимости, которым запечатлена их последующая историческая деятельность⁷⁹.

Кривичи было племя дикое, не имевшее задатков к самостоятельному развитию по своему невыгодному географическому положению, сдавившему его в лесистой местности среди литовских народцев. Это племя, развивши в себе преимущественно суровую религию, рано подпадает влиянию литовцев и смешивается с ними. Соединенное сначала федерацией с новгородскими славянами, кривичское племя в дальнейшей своей исторической жизни выделяет два княжества: Полоцкое и Смоленское – по системам рек Западной Двины и Днепра. Вслед-

ствие направления этих рек – Двины на запад и Днепра на юг, течение исторической жизни обоих княжеств направляется к западу и югу, оставаясь совершенно чуждой северо-востоку России⁸⁰.

Вятичи – самые поздние выселенцы славянские. О выходе их из Польши вместе с радимичами было живо предание еще в XI в. Вятичи отличались дикостью даже во времена Нестора. Он говорит о них: «Живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто, срамословье в них пред отци и пред снохами; браци небываху в них, но игрища межи селы»⁸¹.

Среди вятичей жил литовский народец голядь, по рекам Протве и Угре. Об этом народе ничего неизвестно определенного и он до сих пор представляется какой-то загадкой⁸².

Расселение славян среди финского племени началось весьма рано. Невозможно определить – когда именно, но, без сомнения, гораздо раньше не только призвания Рюрика, Синеуса и Трувора, но даже раньше изгнания варягов, бравших до Рюрика дань с новгородцев, кривичей и мери. Колонизация славян началась с запада, из земли новгородской в земли веси и мери. Такое предположение легко основывается на удобстве водного сообщения между Новгородом, Белоозером и верховьями Волги. Лучшим показателем для определения давности колонизации может служить известный факт существования общественного союза у новгородских славян, кривичей и мери; союз этот, обложенный данью варягами, изгоняет их, и затем призывает к себе князей для установления в земле своей «наряда», т. е. государственного устройства. Вопрос о варягах сделался таким общим местом в русской истории, так бесплоден и неважен кажется он многим, что говорить о нем вновь действительно затруднительно. Но мы позволим себе сказать о нем несколько слов ввиду разъяснения занимающего нас вопроса о давности славянской колонизации среди мери. В этом отношении для нас очень важно свидетельство Псковской второй летописи, на которое до сих пор не было обращено, как нам кажется, особого внимания. Под 854 г. в летописи этой говорится: «Новгородцы свою власть импаху, а кривичи свою, а мерь свою, а чюдь своими владѣху и дань даваху варягом; а иже живяху у коих варяги, или даныцики тех, тин насилия велика дѣяху новгородцем, и кривичем, и меряном, и чуди. Всташа же новгородци, и кривичи, и меря, и чюдь на варягы и изгнаша их за море и начата владети сами себе и *города ставити*, и бысть межю ими рать, *град на град*, и не бяше правда». Далее говорится о призвании и трех братьев. Замечательные слова, которые вкладывает летописец в уста призывавших; слова эти достаточно указывают на мотивы призвания. «Земля наша велика есть, сказали признававшие варягам, *и умножися людей*, и несть кто бы владел нами и *по праву рядил*»⁸³.

Анализируя это свидетельство, мы приходим к следующим выводам. 1. Единство «власти» у новгородцев, кривичей и мери очевидно указывает на единство общественных элементов у них. Из рассмотрения мери мы видели, что общественные элементы этого племени должны были быть, так сказать, в зачаточном состоянии, таком состоянии, при котором, конечно, невозможно было сознавать необходимости призвания князя для «ряды по праву». Славянская культура новгородцев была далеко выше первобытной племенной дикости мерян. Следовательно, единство общественных элементов у новгородских славян и мери, являющееся из свидетельства летописи, должно быть объяснено чем-нибудь иным. 2. Появление городов у новгородцев, кривичей и мери поставляется в зависимости от умножения народонаселения. От этого-то умножения, когда семья разрасталась в род, когда чуялась потребность в общинном устройстве, являлись исконные славянские уособицы, восставал «род на род». Тесно, беспокойно становилось жить в старом огороженном месте – и вот начинают славяне выселяться в другие, новые, огороженные места: появляются новые города. Вражда городов, рать города против города, поселения против поселения есть явление, присущее славянскому племени. Эта вражда сохранилась в памяти народной: города и селения до сих пор обзывают друг друга насмешливыми прозвищами и слагают друг о друге иронические присловья. Из сопоставле-

ния этих двух выводов мы можем заключить, что славянский элемент укрепился во второй половине IX в. в земле меря, что города, построенные там были славянские, что это были славянские колонии, потому что город есть основной признак оседлости, присущий славянскому племени; ни у одного из народов чудского племени мы не видим городов⁸⁴. Поэтому нам представляется совершенно справедливой мысль, высказанная Н. И. Костомаровым: что в летописном свидетельстве меря является только этнографическим термином, как, например, в наше время Кавказ, и что под этим термином нельзя разумеать исключительно только чудских «насельников», аборигенов земли, а следует разумеать, главным образом, славянских «находников»⁸⁵.

Приток славянских «находников» в область верхней Волги, сначала заселенную мерью, а потом образовавшую из себя землю Ростовско-Суздальскую, шел, главным образом, с двух сторон: с запада, из области новгородских славян, и с юга, из Приднепровья, через земли кривичей и вятичей. Но, как уже мы сказали выше, колонизационное движение из Новгорода было самое древнее, самое первоначальное. Как известно, славяне двигались всегда по рекам, этим единственно удобным путям сообщения в древнейшие эпохи человеческой культуры. Волга, великая русская река, и ее многочисленные притоки являются главными водными артериями в земле меря. По этим-то артериям: Волге, Тверце, Мологе, Шексне, Костроме, Унже, Которосли, Оке, Клязьме и Москве-реке, со значительным числом малых рек и речек, впадающих в них – издавна сновали «ушкуи» и «устроуги» славянские, с издавна выходили на берега этих рек и речек переселенцы с Волхова и с Днепра, и их топор звучал в диких, непроходимых лесах: звук этот пугал людей и зверей. Меря убегала вглубь страны, а «звери дивии» – прятались, в чаще леса. Являлись «починки», «городки», «поселки» – эти первичные, зачаточные проявления оседлой жизни славян.

Волга вела в богатые страны: в Булгарию и далее, до самого моря Хвалынского⁶. Поэтому, она с давних пор привлекала «охочих людей», которым трудно бывало жить у себя, которые искали простора, искали упражнения для своей «силушки богатырской». Такими «охочими людьми» изобилует Русь с самой своей колыбели; и в Новгороде, и на юге, в Приднепровье, их всегда было вдоволь. Новгородские «повольники»⁷ и киевские сотоварищи Владимира Красного Солнышка, богатыри наших былин – являются типичными представителями этих первоначальных охочих русских людей. Припомним борьбу вечевых народных партий в Новгороде, припомним эти вечевые уوبيцы, эти бои концев, которые являются на первых страницах Несторовой летописи в выражение «воста род на род»; припомним новгородских «повольников» – и нам будет весьма ясна причина, почему вольные выселения из Новгорода в Поволжье начались так давно и продолжались так долго. На Волге открывалось для всех новгородцев, недовольных своими домашними, вечевыми распорядками, «широкое раздолье», и путь «вниз по матушке по Волге» был давно им известен. Где лучше? Этот исконный вопрос всего человечества вообще и русского человека в особенности, заставлявший его впоследствии бегать и «брести ровно» в надежде на лучшую долю, – этот вопрос возникал и у новгородских «повольников»; во имя его они выходили из своей земли. На Волге они заставляли непочатый край, и иные из них, более умеренные, оставались здесь, в убеждении, что им здесь будет лучше, чем было дома; а другие, более предприимчивые, как, например, Василий Буслаевич⁸, неслись все дальше вниз, надеясь найти вдали еще более фривольную жизнь, еще больше свободы.

⁶ Хвалынское или Хвалиское море – древнерусское название Каспийского моря.

⁷ Повольник – в Новгородской республике – вольный, свободный человек, занимавшийся разбоем и торговлей, ушкуйник.

⁸ Василий Буслаев – герой новгородского былинного эпоса, представляющий собой идеал молодецкой безграничной удалости. Его герой в славянских былинах поступает вопреки принятому порядку, нормам, нарушает запреты, не верит в предсказания и в конце концов гибнет.

С юга заставляли двигаться людей другие «нестроения». Печенеги и половцы, торки и берендеи⁹ и другие кочевники вроде обров¹⁰, примучивших дулебов¹¹, не давали там славянам покоя. Степняки запрягали жен славянских в сохи, насиловали их дочерей, угоняли их скот, жгли их поселки, грабили их дома, и толпы славян тянулись туда, где лучше! А лучшее им легко представлялось в невоздланном, непочатом северо-востоке, в «чудском крае», который в пылком воображении южного славянина представлялся страной чудес, страной волшебства и неведомой мифической силы. Иные, сильные натуры стремились в этот край, чтобы испытывать свою удаль богатырскую, помериться силами со злыми чудищами. Припомним, что герой былин Алеша Попович сражается с Тугариным-Змеевичем близ Ростова, в дикой стране мери, и человек-богатырь побеждает стихийного богатыря хитростью. Припомним, наконец, что в самом характере южного населения, с самого его начала, замечается наклонность к «бродничеству», подвижности, свободной, независимой жизни⁸⁶. Эта-то наклонность долго не давала усесться южному славянину на одном месте и влекла его все дальше и дальше на северо-восток, о котором на юге могли получать некоторые сведения из Новгорода, бывшего в тесных сношениях с Приднестровьем.

Нам кажется, что первичный, древнейший вид славянской колонизации в чудском северо-востоке именно определяется характером этого охочего люда, этих «повольников» и «бродников», прототипа позднейших казаков. В XVI и XVII вв. та же Волга привлекала охочих людей, но уже не в верхнем своем течении, а в «низовом». На пороге же этнографического распределения народонаселения по русской земле низовье Волги было иной дорогой, дорогой бродячих азиатских выходцев, густыми массами проходивших через «великие каспийские ворота» по южным окраинам Руси. В то время эта дорога была более опасна, чем дорога в далекую землю мери; охочим людям, которым не жилось у себя дома, фривольнее было отправляться с юга в неведомую страну чудес, страну диких финнов через славянские земли и потом выходить на Волгу, чем пролагать себе путь к ней через страшные кочевья печенегов и половцев. Это свободное передвижение славян из Новгорода и с юга в верховья Волги, это скопление «сходцев» к земле мери, восходящее к временам доисторическим, служащее продолжением того движения славянских племен, главные фазы которого отмечены Нестором в его этнографических перечислениях, и составляющее первичный вид расселения славян мы позволим себе назвать *вольной колонизацией*.

При зачине княжеской власти на северо-востоке начинается второй вид колонизации – *княжеско-военный*. Рядом с ним, при утверждении христианства к земле Ростовско-Суздальской, идет колонизация *монастырская*; а потом, при развитии промышленно-торговых сил страны, начинается колонизация *промышленно-торговая*. Впоследствии мы остановимся подробнее на каждом из этих позднейших видов колонизации; здесь же заметим только, что вольная колонизация является основным типом славянской колонизации в земле мери. Она не уничтожается и в княжескую эпоху, она служит основанием для колонизации монастырской, и в промышленно-торговой колонизации является основной движущей силой.

Какими же путями шла славянская колонизация в землю мери из Новгорода и с юга?

Из Новгорода, как мы видели выше, колонизация направлялась к «многоводной русской реке» Волге. К этой реке вели оттуда пять главнейших путей. *Первый путь* шел из озера Ильмень через речки Полу и Явонь, с переволоком к озеру Селигеру; из него в р. Силежаровку и ею в Волгу⁸⁷. *Второй путь* мог быть из оз. Ильмень через Мету в оз. Мстино, и, затем, рекою

⁹ Торки и берендеи – тюркские кочевые племена в восточноевропейских степях. Около 1146 г. происходит их смешение; данное племенное объединение называли черными клобуками. В начале XIII в. перестают упоминаться в русских летописях.

¹⁰ Авары (обры) – союз кочевых народов, главным образом тюркоязычных, родственных гуннам. В русских летописях именовались обрами.

¹¹ Дулебы – союз восточнославянских племен на территории Западной Волыни в VI – начале X в.

Твердой в Волгу⁸⁸. *Третий путь* шел Волховом до оз. Нево, оттуда Свирью в оз. Онего, из него Вытегрой до оз. Кавжи и рекой Ковжею в Белоозеро; из Белоозера в Волгу Шексною⁸⁹. *Четвертый путь* – также через оз. Нево в р. Сясь, а из Сяси по речке Воложке до волока Хотьславля (в теперешнем Тихвинском уезде) при р. Чагоде, затем Чагодой, Чагодошей и Мологой в Волгу⁹⁰. *Пятый путь* шел по правым (южным) притокам Волги⁹¹.

С юга, из Приднепровья, было два пути: *первый* Днепром и его притоками через землю кривичей, *второй* – Окой через землю вятичей.

Через землю кривичей проезд водою в землю мери был не так удобен, как из земли новгородской, которая изобиловала озерами и речками. Проезд этот шел от Киева до Смоленска Днепром, а оттуда мог идти переволоком до Вазузы, южного притока Волги, и затем Вазузой и Волгой⁹². Главное неудобство этого пути заключалось в том, что Днепром надо было плыть вверх по течению, между тем как из новгородской земли все реки, ведущие к Волге, впадали в нее и давали, таким образом, возможность плыть по течению вниз. Путем через кривичскую землю ездил в Ростов Владимир Мономах, о чем он говорит в своем «Почении»⁹³. Кроме этого известия мы имеем прямые свидетельства о пути из Смоленска в землю Ростовскую. Под 1148 г. говорится в летописи о том, что «Изяслав Мстиславич приказал брату своему Ростиславу (Смоленскому) свои полки и повелел ему пойти *вниз по Волзе*, и срок ся учиниша на Усть-Медведицы»⁹⁴. Федор Ростиславич, князь Можайский, сделавшись в XIII в. сперва князем Ярославским, а затем, по смерти отца и братьев, князем Смоленским, в 1285 г. едет из Ярославля в Смоленск, а потом, в 1297 г. идет с войском из Ярославля к Смоленску⁹⁵.

Второй путь с юга, через землю вятичей, мог разделяться на две ветви: *одна* шла прямо Окой к Волге, *другая* – притоком Оки, Прою, а из нее переволоком и озерами до рек Поли и Бужи и Бужей в Клязьму⁹⁶. Этим путем приезжал также Владимир Мономах⁹⁷. К ним же, по всей вероятности, приходил Святослав Ольгович Черниговский в Москву на свидание с Юрием Владимировичем Долгоруким⁹⁸. Сам этот князь, в своих многочисленных походах из Ростовской области на юг, нередко ходил черев землю вятичей⁹⁹. Существовало ли вольное колонизационное движение в отдаленнейшую эпоху в землю мери – непосредственно из земель кривичей и вятичей, или через эти земли проходили вольные колонисты только с юга, из «Руси»? Такого рода вопросы не поддаются прямому разрешению. Но нам представляется возможным предположить, что непосредственного движения вольной колонизации от кривичей и вятичей не было. К такому предположению побуждают нас следующие основания. Мы видели выше, что кривичи, вследствие природных условий своей земли, тянулись своей исторической жизнью к югу, к Приднепровью – и им не было причины выселяться в область верхнего течения Волги. Что же касается вятичей, то мы также видели, что племя это было очень дико, и мысль о выселении в иную землю навряд ли могла подвигать его далее на север. Г-н Раевский, редактор «Списка населенных мест Владимирской губернии», полагает, что славянская колонизация в землю мери подвигалась от Волги к югу. «Пройти с северо-западных своих пунктов, по верховьям Клязьмы, славяне не могли, – говорит он, – потому что здесь страна была глухая»¹⁰⁰.

На этих основаниях мы, кажется, можем заключить без большой ошибки, что через земли кривичей и вятичей двигались вольные колонисты в землю мери только с юга. Пути через эти земли были далеко не так удобны, как пути из Новгорода, вследствие чего колонизационное вольное движение с юга не могло быть так сильно, как оно было из озерной и многоводной земли новгородской. Пути с юга в землю мери проникали колонисты в позднейшую эпоху, в XI–XIV вв., когда уже выяснились остальные виды колонизации: княжеско-военный, монастырский и промышленно-торговый. А в рассматриваемую нами первичную эпоху заселения земли мери славянами, при существовании одной только колонизации – вольной, главной, так сказать, большой дорогой движения славян в землю мери была ручная и озерная область нов-

городская. Из нее шла непосредственная колонизация, и через нее же проникали, большей частью, колонисты с юга, из «Руси».

Каким способом разделялись первоначальные славянские колонисты в земле мери, каким образом возникали здесь их поселения, в какие отношения становились они к туземцам – вот вопросы, которые невольно напрашиваются, если не на прямое разрешение, то хотя на разъяснение.

Земля мери, теперешние губернии Ярославская, Костромская, Владимирская и северная часть Московской, издавна отличалась обилием леса. Несмотря на столь известную способность русского человека истреблять жестоко лес, до сих пор еще в этих местностях значительные пространства земли покрыты лесом, почти исключительно хвойным¹⁰¹.

Всматриваясь в номенклатуру теперешних поселений среди этих лесных пространств, мы видим очень много селений в Ярославской губернии с названиями: Бор, Дор, Дерки, Выгарь, Гарь, Горелое, Горелово, Погарье, Погорелово, Жары, Огнивники, Ожигино, Опалёво, Палы, Пеньё, Пеньи, Пеньки, Раменьё. Этих названий в Костромской губернии тоже много, во Владимирской губернии меньше, а в Московской они едва-едва встречаются в северо-восточных уездах, прилегающих в Ярославской и Владимирской губерниям. Названия эти очевидно указывают как на характер лесной местности, в которой являлись поселения, так и на самый способ заселения края. Вдумываясь в эти названия, мы можем увидеть, как славянское население *продиралось*, т. е. проходило с усилием через бор, лес, *выжигало* его и на выжженных, выгорелых местах основывало свои поселения. Эти «выгари», «гари», «огнивники» и «опали» вспахивались и засеивались хлебом, а из срубленных деревьев, от которых оставалось только «пеньё», возникали деревни. Через несколько лет поселенцы двигались дальше, выжигались под пашню новые места, старые запускались. На этих запущенных пашнях появлялась хвойная поросль – зачинаясь *раменьё*. Но не весь же лес дожигался только для очистки местности, не все же деревья срубались только для постройки жилищ. С течением времени являлись у поселенцев, кроме земледелия, другие промыслы, обусловливаемые лесистой местностью, в которой они поселились: они стали жечь *уголь*, гнать *смолу* и *деготь*. На это указывают имена поселений: Угольники, Угличь, Углецы, Угольное, Смолотечье, Смолино, Смольнево, Деготино, Деготницы, Дегтярицы, Дегтярка, Дегтярково и многие другие¹⁰².

Из той же номенклатуры поселений мы можем усмотреть постепенное расширение, разрастание самих поселений. Общим, родовым названием славянского поселения является *деревня*, т. е. совокупность жилых строений из дерева. Это название указывает на материал, из которого сделаны жилища, самый же способ поселения выражается в первоначальных терминах: *починок*, *поселок*, *село*, *селение*, *выселок*, которые возникают в смысле видовых проявлений поселения, по мере его постепенного разрастания, по мере увеличения в нем народонаселения. Первым таким проявлением становится *починок*, т. е. почин поселения, самое первоначальное жилище; при большем размножении населения, починок усваивает себе названия: *поселка*, *села*, *селения*, которые, в свою очередь, разрастаясь с течением времени, выделяют из себя колонии, известные под названием *выселков*¹⁰³.

Гораздо труднее поддается объяснению первоначальное значение *города*, *городка*, *городища* – в смысле термина поселения. Известно, что город, в позднейшем своем развитии, является у нас далеко не с тем значением как в Западной Европе. Но возникновение города и первоначальное его значение у нас сравнительно с Западной Европой до сих пор не разъяснены должным образом. Все ученые, сколько нам известно, соглашаются в филологическом значении славянского *города*, в смысле *огороженного* места, но его этнографическое значение, как термин поселения, понимается ими далеко неодинаково. Так, например, Ходаковский старается доказать, что первоначально «город» и «городище» вовсе не были терминами поселения. По его соображениям, около городов и городищ возникали только поселения, а сами они были

священными местами языческого поклонения богам и жертвоприношений; это были, по его мнению, *священные ограды*, осененные рощами и дубравами¹⁰⁴. Остальные мнения о первоначальном значении города и городища все склоняются к толкованию его в смысле термина поселения. Эти мнения могут быть сведены к трем главнейшим категориям: *первая* – видит в городе и городище первичные общественные укрепления, *вторая* – оставленные поселения и, наконец, *третья* – позднейшие военные укрепления, возводимые князьями¹⁰⁵.

Вдумываясь в первоначальное значение городов и городищ в земле мери, в земле Ростовско-Суздальской, мы находим возможным признать все четыре объяснения, представленные выше, и примирить кажущиеся в них различия. Мы полагаем, что все поселения и урочища, существующие в настоящее время в губерниях Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской, с именами «города», «городка» и «городища» происхождением своим не одинаковы и могут быть отнесены к разным периодам славянской колонизации края. В период дохристианский, когда в землю мери проникали еще славяне-язычники, *города* и *городки* могли возникать в значении священных мест поклонения богам и жертвоприношений; затем, около этих городов и городков, как в христианскую эпоху около монастырей, сгруппировывались поселения. Эти поселения, в память их, также стали называться городами и городками. Затем, при недружелюбных столкновениях с туземцами, многие поселения – и эти города и городки, и деревни – должны были окапываться рвом и обноситься тыном, должны были *огораживаться* для защиты, и таким образом произошли общественные укрепления – *города*, термин которых сохранен в позднейших укреплениях, воздвигаемых князьями для защиты от набегов мордвы и булгар. Развалины всех этих городов и городков, следы их оград, их укреплений, находимые в настоящее время, народ называет общим именем «*городища*».

Таким образом, город, в первоначальном своем значении, мог быть таким же термином поселения, как и деревня, с тем только различием, что выражение «деревня» означало материал построения, а «город» – способ обеспечения окраин поселения, способ огораживания поселения вокруг. Позднейшее значение города начинает выясняться с эпохи утверждения княжеской власти; и в земле Ростовско-Суздальской и в других областях Руси город является в ту эпоху в значении земского, административно-княжеского и военного центра. На этом его тройном значении мы остановимся впоследствии.

Отношения, в которые становились первоначальные колонисты-славяне в туземцам мерянам были мирного свойства. Из-за чего им было враждовать с полудиким народцем? Враждебные отношения у колонистов с туземцами возникают обыкновенно из корыстных побуждений первых: таковы они были у русских промышленников и казаков, колонизаторов Сибири XVII в., таковы они были у испанцев, покоривших Мексику и Перу в XVI в. В обоих случаях колонистов смущали золото, богатые меха и драгоценные камни. Но земля мери не отличалась этими богатствами. Земля эта была испещрена множеством рек и озер и изобиловала лесом, наполненным дикими зверями. Изобилие этих природных даров не могло возбуждать корыстных побуждений в первоначальных славянских «находниках». Возможно предположить, что меря, будучи наподобие мордвы, склонна к слиянию с другими народностями, вошла скоро в близкие отношения к славянам. Эти близкие отношения могли простирались до полового соединения между славянами и мерянами. На такую мысль наводит нас склонность теперешней черемисской женщины легко входить в связь с посторонними мужчинами¹⁰⁶. Весьма возможно предположить, что женщины у мери отличались тем же свойством. Что же касается до первоначальных славянских поселенцев, то навряд ли они были настолько целомудренны, что отказывались от сожития с туземцами. Возможность этого сожития тем больше вероятна, что у язычников-славян и у язычников-туземцев не могло быть того взгляда на отношения к женщине, какой заявило впоследствии христианство, смотревшее очень строго на безбрачное сожитие с женщиной вообще, а особенно с язычницей. Славянские женщины, точно

так же, могли вступать в связи с мужчинами-мерянами. Поэтому весьма легко предположить, что *метисация* славян с мерянами была первоначальной формой ассимиляции славянами мери и претворения ее, прежде других чудских народцев, в племя великорусское¹⁰⁷.

Одним из древнейших поселений славян среди мери, одним из старейших городов в их земле является Ростов Великий, основанный новгородскими славянами¹⁰⁸. Название его И. И. Срезневский производит от собственного имени *Рост*; Ростов – *город Роста*, как Ростиславль – город Ростислава¹⁰⁹. Когда собственно возник Ростов, неизвестно; известно только, что он уже существовал во второй половине IX в., при Рюрике. О зачатке Ростова нет никаких преданий, никаких сказаний, что, между прочим, может указывать на его древность. Только позднейшие хроникеры, составители временников XVII в., желали видеть в основателе Ростова – Росса, приурочивая к этому городу готовое предание о Кие, Щеке и Хориве¹¹⁰. То было время моды на вымышленные генеалогии народов, государей и городов, в которых не затруднялись ни филологией, ни хронологией, храбро производя Словена и Росса от потомков Иафета, сына Ноева, Рюрика от Августа-кесаря, а Москву – от Мосоха. Ростов возник у оз. Неро, в 54 верстах от Волги, с которой соединяет озеро речка Которосль. Трудно предположить, чтобы новгородские колонисты, очевидно спустившись к оз. Неро по Которосли, миновали бы ее устье при Волге. Славяне имели обыкновение ставить свои первоначальные поселения у устья рек, ограждая и обеспечивая ими владение всем течением реки. Поэтому мы полагаем, что, при движении новгородских славян с Волги по Нерли, вверх по ее течению к оз. Неро, должно было явиться славянское поселение раньше Ростова при устье Нерли или где-нибудь вблизи этого устья у Волги. Этим поселением могло быть то, которое впоследствии «срубленное в городе» великим князем Ярославом назвалось его именем: «Ярославль». Ростов, разросшись в глухой местности у обширного озера Неро, позднейшим своим значением затемнил не только это первоначальное, но и все остальные поселения. Старейший город земли – Великий Ростов – стал родоначальником других городов, «молодших», долго остававшихся его пригородами, сходявшихся на общее с ним вече и крепко стоявших на том, «на чем положить» их старший город.

Глава II

Ростовско-Суздальская земля с 862 по 1157 г.

Значение того периода для Ростовско-Суздальской земли. – Характеристика колонизации княжеско-военной, монастырской и промышленно-торговой. – Ростовско-Ростов при Рюрике и Олеге. – Начало Суздаля. – Зависимость Ростовско-Суздальской земли от южных князей. – Владимир Мономах. – Юрий Долгорукий: его характеристика и его колонизационная деятельность в Ростовско-Суздальской земле, значение построенных им городов. – Водворение в Ростове христианства и его борьба с язычеством. – Св. Леонтий, Исайя и Авраамий. – Первые монастыри. – Границы Ростовско-Суздальской земли к концу периода. – Отношения к Новгороду. – Начало промышленно-торговой деятельности. – Начало столкновений с булгарами

В период времени с утверждения Рюрика в Новгороде в 862 г. до смерти великого князя Юрия Владимировича, прозванного Долгоруким, в 1157 г., слагаются элементы гражданственности Ростовской земли, определяются основы ее последующего, самобытного развития. На пороге этого периода, в начале XI в. самое имя мери, аборигенов страны, исчезает в смысле этнографического термина¹¹¹ и заменяется через столетие, в начале XII в. другим термином: «земли Ростовской», а затем, в половине этого столетия получает полное свое название «земля Ростовской и Суздальской»¹¹². Очевидно, элемент славянский не только начинает преобладать, но далее поглощает собой чудское население края. Две новые силы, князь и христианство, кладут основание гражданственности земли. Под влиянием этих новых сил развивается дальнейшая славянская колонизация в землю Ростовскую; и к концу периода, в половине XII в., посредством этой колонизации зачинается новое племя, которое при последующем своем историческом развитии получает название великорусского. Это дальнейшее развитие славянской колонизации прежде всего проявляется в виде колонизации *княжеско-военной*. Зачин этому виду кладет первый князь в стране, Рюрик, а эпоха расцвета, наибольшего развития княжеско-военной колонизации относится во времени Юрия Долгорукого, устроителя Ростовской области.

После него княжеско-военная колонизация продолжается во все время существования ростовско-суздальских княжений вплоть до окончательного сложения Московского государства, которое этот вид колонизации начинает применять ко вновь забираемым областям и странам, при своем все более и более усиливающемся расширении на восток. Приемы княжеско-военной колонизации заключаются: в раздаче земель, в основании поселений и крепостей со стратегической целью. Пахарей для этих земель, насельников для поселений и крепостей князь выбирает или из «охочих людей», привлекая их к себе разными льготами, или из существовавших уже прежде поселений, выводя из них колонистов. Главное различие княжеско-военной колонизации от вольной заключается в инициативе передвижения, переселения. В первой она принадлежит князю, в последней – каждому отдельному переселенцу в частности или нескольким в совокупности.

Об руку с княжеско-военной колонизацией идет *колонизация монастырская*. Князь и его дружина являются первыми представителями христианской религии; их сопровождает епископ; основываются церкви или в существовавших уже поселениях, или на совершенно не заселенных местах. В первом случае церкви являются хранителями и распространителями культуры и цивилизации, во втором, кроме этого, еще центрами новых поселений. Христианские начала пускают корни. Являются подвижники-аскеты, проникающие дальше в глубь леса уже не по рекам, а по непроходимым дебрям и трупобам. Здесь, вдали от жилья человека, окружен-

ный дикими зверями, аскет-подвижник ставит себе келью. К нему мало-помалу сходятся «охочие люди», но уже не ищущие разгула и приволья, а стремящиеся к успокоению душевному, к умиротворению своей совести, жаждущие не добычи и прибыли, а христианского подвига и спасения души. Келья огораживается тыном, ставится церковь, и ее колокол впервые нарушает девственную тишь лесов; зарождается община, зачинается монастырь, около которого вскоре сгущается поселение. Монастырь является проводником христианской цивилизации и вместе с тем зерном новых поселений, нового колонизаторского движения. Из монастыря с течением времени выходят новые подвижники, ученики его основателя, и заводят новые монастыри. Таким образом, является целая эманация христианских поселений, и каждая новая церковь, каждый новый монастырь все шире и шире, все далее и далее вглубь страны раздвигают элемент славянский и распространяют христианство, силу, всего более ассимилировавшую туземные инородческие племена и претворившую их в одну нераздельную народность великорусскую. Там зачинается в дикой стране культура. Князь и епископ, город и монастырь являются питомниками и проводниками этой культуры, которая с течением времени развивается все более и более. Возникают промышленность и торговля, эти главнейшие показатели развивающихся сил экономических, эти регуляторы общественной жизни. Население края получает новый стимул для деятельности, новый стимул для передвижения. Зарождается четвертый вид колонизации – *промышленно-торговый*; зачинаются новые центры – промышленно-торговые: ярмарки и базары или просто склады товаров, а около этих центров сгущается народ, появляется новое поселение.

Рассмотрим сначала колонизацию княжеско-военную.

Рюрик, оставшись после смерти братьев своих Синеуса и Трувора единой главой призвавшего князей союза: новгородцев, кривичей и мери – начинает раздавать города «мужам своим». В числе этих городов является Ростов¹¹³. Это первое, так сказать, историческое упоминание Ростова в летописи. С этого времени, с 60-х годов IX в., начинается в славянских поселениях среди мери установление княжеского и дружинного порядка. При Олеге в Ростове находился «князь, сущий под Олегом»¹¹⁴. Ростов является в это время одним из значительнейших городов в землях, подвластных Олегу.¹¹⁵ «Муж» Рюрика и «князь» Олега, по всей вероятности, ограничивались сбором дани с населения¹¹⁶, кроме дани, население страны должно было участвовать в походах верховного князя Олега, выставляя известное число воинов¹¹⁷. Таким образом, особого варяжского влияния нельзя искать в Ростове, в земле мери. Варяги и до Рюрика собирали там дань, как мы видели выше, и при нем, и после него ограничивались этой же данью. Они были там «находницы», по выражению летописца. Мы не беремся делать предположения о том, в какие отношения становились варяги к туземному населению, и курганы норманнские в этой стране, указанные графом Уваровым, ждут еще тщательной разработки для уяснения степени норманнского элемента в верховьях Волги¹¹⁸. Софийская первая летопись говорит, что Рюрик, Синеус и Трувор «*пояша с собою дружину многу... и, утвердившись, в земле союза их призвавшего, почаша воевати всюду*»¹¹⁹. Если принять это свидетельство, то можно предположить завоевание страны, которого иные ученые совершенно не желают видеть в образовании русского государства.

Г-н Гарелин, один из местных исследователей древностей Владимирской губернии, основываясь на этом свидетельстве, полагает, что Суздаль был основан варяжскими дружинами, которые спустились из оз. Неро по р. Нерли¹²⁰. Конечно, это мнение можно принять только как догадку. Суздаль мог быть точно также основан и славянскими колонистами, спустившимися из оз. Неро по р. Нерли. Но во всяком случае возникновение Суздаля весьма древне и может быть приурочено к концу IX в., потому что Суздаль, или, по древнейшей орфографии наших летописей, *Суждаль* является вторым по времени своего возникновения и вторым по

своему значению после Ростова – «старейшим городом земли»¹²¹. Название его очевидно чудское, и мы не имеем ключа к его объяснению. Ананий Федоров, ключарь Суздальского собора, живший в первой половине XVIII в., приводит следующую сказку о возникновении Суздаля из «письменной повести», которая, по его словам, есть народная. При рассеянии людей по вселенной после вавилонского столпотворения, в 4902-й год от Всемирного потопа, пришли в российские страны три брата – великие князья: Сан, Авесхасан и премудрый Асан, происшедшие от Иафета, сына Ноева.

Из них два брата остались у Варяжского моря¹² и устроили города (в том числе Новгород), а третий, Асан, ушел от них далеко в дикий лес, в топкие места; долго искал он удобное место для поселения, долго раздумывал и, наконец, нашедши такое место, заложил на нем город и, по великому своему суждению, назвал его *Суждалем*¹²². Ананий Федоров не доверяет этой сказке и полагает, что название «Суждаль» произошло позднее, вследствие разных фонетических изменений, из *Суходола*, первоначального наименования места, где возник город¹²³.

С 913 по 988 г. в летописях ничего не встречается о земле Ростовской. Игорь, занятый исключительно делами юга, мало заботился о северо-востоке¹²⁴. Ольга была в новгородских владениях, «устави погосты и дани» по Мете и «дани и оброки» по Луге, а Святослав, «налезе вятичей», прошел на Оку и Волгу¹²⁵. В Ростове же из них никто не был. Вследствие этого можно предположить, что Ростовская область в это время пользовалась достаточной независимостью от приднепровских князей, управляясь, быть может, потомками «князей, сущих под Олегом»¹²⁶.

Под 988 г. у Нестора, вслед за принятием христианства Владимиром, помещено распределение им волостей между сыновьями. По этому распределению Ростов достается Ярославу, который, после смерти старшего брата Вышеслава, переводится в Новгород, а в Ростов назначается Борис¹²⁷. С Ярослава и Бориса начинается в Ростове ряд князей, которые не живут там постоянно, а только наезжают в глухую лесистую местность, отдаленную от главной исторической арены того времени – Приднепровья. Долго ли прокняжил Борис в своей волости, неизвестно; из летописи и из жития его видно только, что во время смерти Владимира Борис был при нем¹²⁸. Ярослав, княживший в Приднепровье после смерти отца своего Владимира, бывал в Ростове. Ростов вместе с Новгородом, как видно, принадлежал к его волости¹²⁹. В одну из поездок в Ростов был им срублен город, названный им в свое имя Ярославлем¹³⁰. Позднейшее предание так рассказывает о возникновении этого города: Ярослав, посетив древний Ростов, охотился на берегах Волги и здесь, при впадении Которосли в Волгу, отстав от дружины своей, встретился с медведицей и убил ее топором. На этом месте он построил церковь во имя св. пророка Илии (христианское имя Ярослава) и срубил город Ярославль¹³¹. После Ярослава Ростовская область сначала принадлежала к владениям Новгородским, а после смерти Святослава Ярославича в 1076 г., вместе со всем Поволжьем, составляла волость пятого сына Ярослава, Всеволода, князя Переяславля-Южного¹³².

Владимир Мономах, сын Всеволода – этот типичный представитель южного князя, который в свою многотрудную жизнь совершил 83 похода, который не знал усталости, будучи постоянно на коне, сражаясь за Русскую землю, который делал страшные концы по тогдашней непроездной дороге из Киева в Смоленск и оттуда в Переяславль, пробивая себе путь через недружелюбных вятичей и подвергая себя опасности в путях, нападению диких зверей – этот князь был несколько раз в Ростовской области. Здесь срубил он город на Клязьме в свое имя – Володимир, который впоследствии, в отличие от Владимира-Волынского, стал называться

¹² Так в старину называли Балтийское море.

Залесским¹³³ и построил церковь в Ростове¹³⁴. По смерти Всеволода Ростовская область, стала волостью Мономаха. В последние годы жизни, отвлеченный от далекой страны событиями юга и избранный, наконец, после смерти Святополка, князем Киевским, Мономах сам не ездит уже в Ростовскую область, а посылает туда своих сыновей. Ростовская область делается, так сказать, отражением южных усобиц, становясь ареной распри между Изяславом Владимировичем и Олегом Святославичем Черниговским¹³⁵. Любечский съезд укрепляет Ростовскую область за Владимиром Мономахом и его родом¹³⁶. С этого времени там впервые является самостоятельный князь – сын Мономаха, Юрий, прозванный Долгоруким. Во все это долгое время, от Олега до Юрия Долгорукого, ни один из князей не живет подолгу в далекой Ростовской области. Все они являются там гостями, и то нечастыми. Один Мономах туда ездит усердно. Князей привлекают туда чрезвычайные случаи, вроде голода, бывшего в 1024 г., и смуты, производимой по поводу этого голода волхвами, вследствие чего отправился туда Ярослав – и то мимоездом в Новгород¹³⁷. Князя управляют своей далекой областью через своих «мужей», через данщиков. Так, например, Ян Вышатич собирает там дань в 1071 г. для князя Святослава¹³⁸. Князьям некогда заниматься отдаленной областью Ростовской, их внимание привлекает к себе «Русь», южное Приднепровье.

Юрий был в Ростовской области еще в 1096 г., судя по письму Мономаха к Олегу Святославичу¹³⁹. После этого он, по всей вероятности, пребывал на юге. Мы имеем, по крайней мере, положительное известие, что в 1107 году в Ростовской области не было князя¹⁴⁰, а в 1125 г. видим Юрия в Киеве на погребении Мономаха¹⁴¹. Юрий всеми своими симпатиями тянется к югу, цель его постоянных стремлений есть старший южный город Киев. Добывание его себе по праву старейшинства и забота о том, чтобы Киев не достался кому-нибудь из младших родичей, а тем паче не перешел бы во враждебную линию Ольговичей – вот те задачи, которые поставил себе Юрий после смерти Мономаха, те задачи, которые он стойко преследовал всю свою жизнь! Поэтому он немедленно после смерти отца, начинает сторожить Киев. Он остается на постоянное жительство в Городце, недалеко от Киева и, желая еще более укрепиться на юге, в 1185 г. променивается с братом Ярополком волостями: «испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда *Суздаль* и *Ростов* и прочую волость свою, но не всю»¹⁴². Через два года после этой мены, в 1137 г. Юрий удаляется в Ростов¹⁴³, следовательно, Ростов принадлежит снова ему. Двенадцать лет с тех пор пребывает в Ростовской области Юрий, следя за событиями юга. Между тем на юге произошли события, которых именно всего более боялся Юрий. После смерти брата его, Ярополка, на киевском столе сел Ольгович Всеволод, а после его смерти и кратковременного правления брата его Игоря, великим князем Киевским стал Изяслав Мстиславич, племянник Юрия помимо двух дядей: Вячеслава и Юрия. Юрий забывает враждебные отношения

Ольговичей к Мономаховичам и соединяется со Святославом Ольговичем против племянника Изяслава Мстиславича; он призывает даже половцев, этих исконных врагов южной Руси. С 1149 по 1155 г. тянется ряд походов Юрия под Киев из Ростовско-Суздальской области. Эти далекие походы были сопряжены с большими затруднениями. Непроездные топи и болота, большие многоводные реки служили главным препятствием весной и летом, а зимой затрудняли переход глубокие снега – от долгих утомительных переходов лошади то портили себе ноги, то делались жертвой павального мора; через реки весной нельзя было переправляться на судах, а лошади тонули. Вследствие всего этого войска должны были возвращаться с полдороги¹⁴⁴. Юрий предавал разорению и грабежу Приднепровье, а Изяслав Мстиславич проникал в землю Ростовско-Суздальскую по Волге¹⁴⁵. Война кончается смертью Изяслава Мстиславича и старшего брата Юрия, Вячеслава. Юрий, наконец, после многолетних тревог, укрепляется в Киеве. Но недолго наслаждается он спокойствием. Юрий не пользуется

любовью киевлян, и они входят в переговоры с Изяславом Давидовичем Черниговским; но не успел еще счастливый соперник Юрия вступить в Киев, как Юрий умер в 1157 г.

Печальна и весьма замечательна судьба этого младшего из сыновей Мономаха. Стоя на рубеже двух исторических эпох, княжеско-родовой и княжеско-единовластной, двух этнографических формаций русской народности: восточно-русской и южно-русской, – Юрий в своем личном характере носит ту же двойственность. С одной стороны, все его идеалы лежат в южном Приднепровье, о «причастии в Руси» себе и своим детям заботится он всю свою жизнь: его традиции – традиции южных князей; с другой стороны, в его характере заметны некоторые черты, напоминающие его сына Андрея Боголюбского, положившего основание новому порядку дел в княжеской Руси. Черты эти, правда, не выступают рельефно, он, так сказать, еще в зародыше, но и в этом зародыше проявляется уже «самовластие», – основная черта характера Андрея. Характер Юрия, вследствие этого, не представляет ничего цельного. Это переходный тип от южного князя к князю северному, от князя Приднепровья к поволжскому князю. Характер Юрия представляется нам промежуточным звеном, соединяющим его отца Мономаха с его сыном Андреем; без этого промежуточного звена невозможно было бы появление Андрея, который так резко во всем отличается от своего деда Мономаха. Нравственный характер Юрия весьма не симпатичен. Личный расчет есть основная движущая им сила, есть причина всех его действий. Из-за этого личного расчета он хитрит, он нарушает крестное целование, он соединяется с враждебными своему роду Ольговичами и, паче всего, «наводит на юг половцев», исконных врагов и насильников южно-русской Украины. Отец Юрия, «страдалец за русскую землю», Мономах, был не таков! Робкий воин и храбрый организатор, Юрий стремится постоянно на юг, и между тем вводит «наряд» в своей северо-восточной области Ростовской. Сражаясь во имя родовых княжеских прав с племянником своим Изяславом, он сам же нарушает эти права, сядя в Киеве помимо своего старшего брата Вячеслава. В народной памяти Юрий Долгорукий является жестокосердным, и, по народному преданию, построенный им город Москва «стоит на крови». Такой князь, конечно, не мог быть любим на юге, где прямота действий, мужество в брани, борьба с «погаными» половцами, служение земле, а не своей личности составляли народный идеал князя. Таким был Мономах; поэтому он и пользовался популярностью на юге, такими являются все Мономаховичи, особенно же потомство Мстислава Владимировича – эта «благородная отрасль благородного корня»; но Юрий был чужд югу.

Одиноким, нелюбимым народом является он в Приднепровье, куда стремились постоянно его все лучше помыслы¹⁴⁶.

Значение Юрия для Ростовско-Суздальской земли, прежде всего, определяется его колонизаторской деятельностью в этой земле. А. П. Щапов сближает эту деятельность Юрия с подвигами его соименника «Егория Храброго», которого принимает за мифического выразителя заселения «светло-русской земли», за установителя в ней оседлости¹⁴⁷. Колонизаторская деятельность Юрия выражается: в вызове переселенцев в Ростовско-Суздальскую землю, в построении новых городов и в расширении и улучшении прежде существовавших.

Прямых свидетельств летописей о том, откуда и как привлекал Юрий колонистов в свою область, мы не знаем.

Татищев утверждает, впрочем, что Юрий заселял свои города, *созывая* людей отовсюду, что он давал этим поселенцам немалую ссуду, помогал им в строениях, а также и другими «подаваниями», что к нему, кроме русских, приходило множество болгар, мордвы и венгров¹⁴⁸. О том, что Юрий переводил к себе колонистов с юга и из других мест, говорит также и И. Д. Беляев¹⁴⁹.

Мы представили выше наши соображения о приемах княжеско-военной колонизации вообще; из последующего нашего изложения будет видно, что князья ростовско-суздальские именно употребляли те приемы, которые указаны нами. За отсутствием прямых летописных

свидетельств, мы не имеем основания утверждать, что Юрий употреблял какие-нибудь иные способы для заселения своей области; косвенные свидетельства летописей дают нам, напротив, возможность заключить, что главный, так сказать, материал для заселения Ростовско-Суздальской земли Юрий Долгорукий имел в «повольниках» и «бродниках», – тех «сходцах», которые с давних пор стремились в Ростовскую землю. При частых походах Юрия на юг, оттуда очень легко могли приходить с ним в Ростовскую землю разные сходцы. Юрий, как мы увидим ниже, покровительствовал «больших людей» новгородских, держащих его сторону и переселял к себе в Суздаль их семейства. Так, во время смут в Новгороде после бегства Святослава Ольговича, постоянного союзника Юрия, в 1139 г., к Юрию в Суздаль бежали сторонники Святослава – Судила Нежатиць и Страждка. Двух главных сторонников Святослава, пособников его в бегстве, посадника Якуна и брата его Прокофья новгородцы заточили в Чудь. Юрий освободил их и привел к себе, а семейства обоих, еще раньше их освобождения, призвал в Суздаль и содержал в почете и милости¹⁵⁰. Такое обхождение Юрия с «большими людьми», конечно, не оставалось под спудом в Новгороде, а, становясь известным, оно давало еще больше возможности «молодым людям», недовольным тогдашними частыми новгородскими смутами, искать защиты у Юрия и селиться в его области. Кроме того люди вроде Судили и Страждки, которые, по тону летописного свидетельства, были значительными лицами в Новгороде, убегали оттуда, по всей вероятности, не одни, а со своей челядью; относительно же семейств Якуна и Прокофья это можно сказать положительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.